Советский народ ждет от композиторов высококачественных и идейных произведений во всех жанрах — в области оперной, симфонической музыки, в песенном творчестве, в хоровой и танцовальной музыке.

(Из Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г.).

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 12 (2395) Среда, 11 февраля 1948 г. Цена 40 коп.

Об опере «Великая дружба» В. Мурадели

Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г.

ЦК ВКП(б) считает, что опера «Великая дружба» (музыка В. Мурадели, либретто Г. Мдивани), поставленная Большим театром Союза ССР в дни 30-й годовщины Октябрьской революции, является порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении, антихудожественным произведением.

Основные недостатки оперы коренятся прежде всего в музыке оперы. Музыка оперы невыразительна, бедна. В ней нет ни одной запоминающейся мелодии или арии. Она сумбурна и дисгармонична, построена на сплошных диссонансах, на режущих слух звукосочетаниях. Отдельные строки и сцены, претендующие на мелодичность, внезапно прерываются нестройным шумом, совершенно чуждым для нормального человеческого слуха и действующим на слушателей угнетающе. Между музыкальным сопровождением и развитием действия на сцене нет органической связи. Вокальная часть оперы — хоровое, сольное и ансамблевое пение — производит убогое впечатление. В силу всего этого возможности оркестра и певцов остаются неиспользованными.

Композитор не воспользовался богатством народных мелодий, песен, напевов, танцовальных и плясовых мотивов, которыми так богато творчество народов СССР и, в частности, творчество народов, населяющих Северный Кавказ, где развертываются действия, изображаемые в опере.

В погоне за ложной «оригинальностью» музыки композитор Мурадели пренебрег лучшими традициями и опытом классической оперы вообще, русской классической оперы в особенности, отличающейся внутренней содержательностью, богатством мелодий и широтой диапазона, народностью, изящной, красивой, ясной музыкальной формой, сделавшей русскую оперу лучшей оперой в мире, любимым и доступным широким слоям народа жанром музыки.

Исторически фальшивой и искусственной является фабула оперы, претендующая на изображение борьбы за установление советской власти и дружбы народов на Северном Кавказе в 1918—1920 г.г. Из оперы создается неверное представление, будто такие кавказские народы, как грузины и осетины, находились в ту эпоху во вражде с русским народом, что является исторически фальшивым, так как помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы.

ЦК ВКП(б) считает, что провал оперы Мурадели есть результат ложного и губительного для творчества советского композитора формалистического пути, на который встал т. Мурадели.

Как показало совещание деятелей советской музыки, проведенное в ЦК ВКП(б), провал оперы Мурадели не является частным случаем, а тесно связан с неблагополучным состоянием современной советской музыки, с распространением среди советских композиторов формалистического направления.

Еще в 1936 году, в связи с появлением оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», в органе ЦК ВКП(б) «Правда» были подвергнуты острой критике антинародные, формалистические извращения в творчестве Д. Шостаковича и разоблачен вред и опасность этого направления для судеб развития советской музыки. «Правда», выступавшая тогда по указанию ЦК ВКП(б), ясно сформулировала требования, которые пред'являет к своим композиторам советский народ.

Несмотря на эти предупреждения, а также вопреки тем указаниям, какие были даны Центральным Комитетом ВКП(б) в его решениях о журналах «Звезда» и «Ленинград», о кинофильме «Большая жизнь», о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению, в советской музыке не было произведено никакой перестройки. Отдельные успехи некоторых советских композиторов в области создания новых песен, нашедших признание и широкое распространение в народе, в области создания музыки для кино и. т. д., не меняют общей картины положения. Особенно плохо обстоит дело в области симфонического и оперного творчества. Речь идет о композиторах, придерживающихся формалистического, антинародного направления. Это направление нашло свое наиболее полное выражение в произведениях таких композиторов, как т. т. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский и др., в творчестве которых особенно наглядно представлены формалистические извращения, антидемократические тенденции в музыке, чуждые советскому народу и его художественным вкусам. Характерными признаками такой музыки является отрицание основных принципов классической музыки, проповедь атональности, диссонанса и дисгармонии, являющихся якобы выражением «прогресса» и «новаторства» в развитии музыкальной формы, отказ от таких важнейших основ музыкального произведения, какой является мелодия, увлечение сумбурными, невропатическими сочетаниями, превращающими музыку в какофонию, в хаотическое нагромождение звуков. Эта музыка сильно отдает духом современной модернистской буржуазной музыки Европы и Америки, отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик.

Существенным признаком формалистического направления является также отказ от полифонической музыки и пения, основывающихся на одновременном сочетании и развитии ряда самостоятельных мелодических линий, и увлечение однотонной, унисонной музыкой и пением, зачастую без слов, что представляет нарушение многоголосого музыкально-песенного строя, свойственного нашему народу, и ведет к обеднению и упадку музыки.

Попирая лучшие традиции русской и западной классической музыки, отвергая эти традиции, как якобы «устаревшие», «старомодные», «консервативные», высокомерно третируя композиторов, которые пытаются добросовестно осваивать и развивать приемы классической музыки, как сторонников «примитивного традиционализма» и «эпигонства», многие советские композиторы, в погоне за ложно понятым новаторством, оторвались в своей музыке от запросов и художественного вкуса советского народа, замкнулись в узком кругу специалистов и музыкальных гурманов, снизили высокую общественную роль музыки и сузили ее значение, ограничив его удовлетворением извращенных вкусов эстетствующих индивидуалистов.

Формалистическое направление в советской музыке породило среди части советских композиторов одностороннее увлечение сложными формами инструментальной симфонической бестекстовой музыки и пренебрежительное отношение к таким музыкальным жанрам, как опера, хоровая музыка, популярная музыка для небольших оркестров, для народных инструментов, вокальных ансамблей и т. д.

Все это с неизбежностью ведет к тому, что утрачиваются основы вокальной культуры и драматургического мастерства и композиторы разучиваются писать для народа, свидетельством чего является тот факт, что за последнее время не создано ни одной советской оперы, стоящей на уровне русской оперной классики.

Отрыв некоторых деятелей советской музыки от народа дошел до того, что в их среде получила распространение гнилая «теория», в силу которой непонимание музыки многих современных советских композиторов народом об'ясняется тем, что народ якобы «не дорос» еще до понимания их сложной музыки, что он поймет ее через столетия и что не стоит смущаться, если некоторые музыкальные произведения не находят слушателей. Эта насквозь индивидуалистическая, в корне противонародная теория в еще большей степени способствовала некоторым композиторам и музыковедам отгородиться от народа, от критики советской общественности и замкнуться в свою скорлупу.

Культивирование всех этих и им подобных взглядов наносит величайший вред советскому музыкальному искусству. Терпимое отношение к этим взглядам означает распространение среди деятелей советской музыкальной культуры чуждых ей тенденций, ведущих к тупику в развитии музыки, к ликвидации музыкального искусства.

Порочное, антинародное, формалистическое направление в советской музыке оказывает также пагубное влияние на подготовку и воспитание молодых композиторов в наших консерваториях, и, в первую очередь, в Московской консерватории (директор т. Шебалин), где формалистическое направление является господствующим. Студентам не прививают уважение к лучшим традициям русской и западной классической музыки, не воспитывают в них любовь к народному творчеству, к демократическим музыкальным формам. Творчество многих воспитанников консерваторий является слепым подражанием музыке Д. Шостаковича, С. Прокофьева и др.

ЦК ВКП(б) констатирует совершенно нетерпимое состояние советской музыкальной критики. Руководящее положение среди критиков занимают противники русской реалистической музыки, сторонники упадочной, формалистической музыки. Каждое очередное произведение Прокофьева, Шостаковича, Мясковского, Шебалина эти критики об'являют «новым завоеванием советской музыки» и славословят в этой музыке суб'ективизм, конструктивизм, крайний индивидуализм, профессиональное усложнение языка, т. е. именно то, что должно быть подвергнуто критике. Вместо того, чтобы разбить вредные, чуждые принципам социалистического реализма взгляды и теории, музыкальная критика сама способствует их распространению, восхваляя и об'являя «передовыми» тех композиторов, которые разделяют в своем творчестве ложные творческие установки.

Музыкальная критика перестала выражать мнение советской общественности, мнение народа и превратилась в рупор отдельных композиторов. Некоторые музыкальные критики, вместо принципиальной об'ективной критики, из-за приятельских отношений стали угождать и раболепствовать перед теми или иными музыкальными лидерами, всячески превознося их творчество.

Все это означает, что среди части советских композиторов еще не изжиты пережитки буржуазной идеологии, питаемые влиянием современной упадочной западноевропейской и американской музыки.

ЦК ВКП(б) считает, что это неблагоприятное положение на фронте советской музыки создалось в результате той неправильной линии в области советской музыки, которую проводили Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР и Оргкомитет Союза советских композиторов.

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР (т. Храпченко) и Оргкомитет Союза советских композиторов (т. Хачатурян) вместо того, чтобы развивать в советской музыке реалистическое направление, основами которого являются признание огромной прогрессивной роли классического наследства, в особенности традиций русской музыкальной школы, использование этого наследства и его дальнейшее развитие, сочетание в музыке высокой содержательности с художественным совершенством музыкальной формы, правдивость и реалистичность музыки, ее глубокая органическая связь с народом и его музыкальным и песенным творчеством, высокое профессиональное мастерство при одновременной простоте и доступности музыкальных произведений, по сути дела поощряли формалистическое направление, чуждое советскому народу.

Оргкомитет Союза советских композиторов превратился в орудие группы композиторов-формалистов, стал основным рассадником формалистических извращений. В Оргкомитете создалась затхлая атмосфера, отсутствуют творческие дискуссии. Руководители Оргкомитета и группирующиеся вокруг них музыковеды захваливают антиреалистические, модернистские произведения, не заслуживающие поддержки, а работы, отличающиеся своим реалистическим характером, стремлением продолжать и развивать классическое наследство, об'являются второстепенными, остаются незамеченными и третируются. Композиторы, кичащиеся своим «новаторством», «архиреволюционностью» в области музыки, в своей деятельности в Оргкомитете выступают как поборники самого отсталого и затхлого консерватизма, обнаруживая высокомерную нетерпимость к малейшим проявлениям критики.

ЦК ВКП(б) считает, что такая обстановка и такое отношение к задачам советской музыки, какие сложились в Комитете по делам искусств при Совете Министров СССР и в Оргкомитете Союза советских композиторов, далее не могут быть терпимы, ибо они наносят величайший вред развитию советской музыки. За последние годы культурные запросы и уровень художественных вкусов советского народа необычайно выросли. Советский народ ждет от композиторов высококачественных и идейных произведений во всех жанрах—в области оперной, симфонической музыки, в песенном творчестве, в хоровой и танцовальной музыке. В нашей стране композиторам предоставлены неограниченные творческие возможности и созданы все необходимые условия для подлинного расцвета музыкальной культуры. Советские композиторы имеют аудиторию, которой никогда не знал ни один композитор в прошлом. Было бы непростительно не использовать все эти богатейшие возможности и не направить свои творческие усилия по правильному реалистическому пути.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Осудить формалистическое направление в советской музыке, как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки.

2. Предложить Управлению пропаганды и агитации ЦК и Комитету по делам искусств добиться исправления положения в советской музыке, ликвидации указанных в настоящем постановлении ЦК недостатков и обеспечения развития советской музыки в реалистическом направлении.

3. Призвать советских композиторов проникнуться сознанием высоких запросов, которые пред'являет советский народ к музыкальному творчеству, и, отбросив со своего пути все, что ослабляет нашу музыку и мешает ее развитию, обеспечить такой под'ем творческой работы, который быстро двинет вперед советскую музыкальную культуру и приведет к созданию во всех областях музыкального творчества полноценных, высококачественных произведений, достойных советского народа.

4. Одобрить организационные мероприятия соответствующих партийных и советских органов, направленные на улучшение музыкального дела.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ПОКРОВИТЕЛИ ГИТЛЕРА

Государственный департамент Соединенных Штатов совместно с англичанами и французами опубликовал немецкие документы, записки и воспоминания гитлеровских дипломатов под таинственным названием «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.».

Цели этой публикации ясны. Американские дельцы выковывают еще одно звено в цепи тех циничных измышлений, посредством которых они стремятся поколебать опасный для них авторитет Советского Союза во всем мире, авторитет, завоеванный упорной, последовательной борьбой за мир перед войной и после войны, завоеванный кровью наших лучших людей во время войны.

Американские «изобретатели» из Государственного департамента рассчитывают на короткую человеческую память. Но она все же не так коротка, как им хотелось бы. Трудно будет внушить кому бы то ни было, что война началась в 1939 году!

Война началась много раньше.

Она началась тогда, когда побежденной в первой войне и парализованной Версальским миром Германии пришли на помощь американские и английские «филантропы». Когда из-за океана потоками хлынуло в Берлин и немецкие промышленные центры золото. Война началась, когда американские и английские химические концерны заключили соглашение с «И. Г. Фарбениндустри» о разделе между собой мировых рынков. Война началась, когда американская компания «Стандарт Ойль» заключала с Германией договоры относительно прибылей от торговли нефтью, давая немцам широкие возможности производить синтетический бензин. Она началась, когда нью-йоркские банки финансировали «Ферейнигте Штальверке», стальной трест Германии. Германия получала в то время миллиарды марок на самых выгодных условиях, получала огромные долгосрочные кредиты, причем американские банкиры и промышленники прекрасно знали, на что идут эти деньги. Они прекрасно знали, что «бедные немцы» вовсе не строят на эти деньги жилые дома с садиками, что стальной трест не занимается разведением пчел, а «Фарбениндустри» не организует молочные фермы. Американские банкиры и состоящие в правлениях банков сановники, поныне занимающие в Соединенных Штатах высокие государственные посты, превосходно отдавали себе отчет в том, на что употребляются эти долгосрочные кредиты и займы. Именно поэтому они и предоставляли эти кредиты и займы.

Нет, война началась не в 1939 году! Она началась гораздо, гораздо раньше. Она уже разгоралась зловещим пламенем, когда в 1933 году в Риме подписывался пакт «согласия и сотрудничества» Великобритании, Германии, Франции и Италии. Она пылала мрачным заревом, когда западные государства упорно толкали Польшу к заключению пакта с Германией, что им и удалось в 1934 году. Война набирала силу, когда в 1935 году в Лондоне был заключен англо-германский договор о восстановлении германского флота и строительстве германских подводных лодок.

Война началась с того момента, когда капиталисты Америки и Англии решили вооружить агрессивную Германию, восстановить ее и — вооруженную до зубов — толкнуть против Советского Союза. Другими словами, — она началась тотчас же, как только умолкли пушки и утих грохот первой мировой войны.

И уже не тайно, а явно разгоралась война в Абиссинии,—в стране, которую, без малейшего протеста, притворяясь, что ничего особенного не происходит, позволили проглотить другу Гитлера—Муссолини. Разгоралась в Испании, где всеми силами международного капитала душили испанский народ. Война лавиной обрушилась на Чехословакию, сметая с лица земли признанное всеми государство. И все это произошло с полного согласия англо-американских заправил. Война пылала. На средства американских банков строились самолеты, с которых бомбили Мадрид. Американские и английские промышленники производили оружие, которым убивали сперва абиссинцев, а затем испанцев. Гитлеровские войска, перешедшие в 1938 году чехословацкую границу, были вооружены на деньги из-за океана. В бомбах, которые обрушивались в 1939 году на Варшаву,—были взрывчатые материалы, произведенные благодаря американцам и англичанам. Немецкие танки, давившие женщин и детей на польских дорогах, — были сделаны из металла, выплавленного благодаря американским банкирам. В газах, которыми удушили миллионы людей в Освенциме и Треблинке,— были прибыли американских химических трестов. Последовательно, шаг за шагом, Америка и Англия создавали гитлеровскую Германию. Создавали, ибо Германия, как опасная вооруженная сила, — после первой мировой войны не существовала. Это Америка при помощи Англии восстановила и развила немецкую военную промышленность, снабдила Гитлера деньгами и сырьем, помогла Германии создать военный и воздушный флот. И, зажмурив один глаз (вторым она следила за своими прибылями), Америка позволяла Гитлеру пробовать свои силы — сперва косвенно в Абиссинии, затем непосредственно — в Испании и наконец — в Чехословакии. Это были репетиции перед огромным кровавым спектаклем, о котором они мечтали...

И, наконец, ведь это они, те самые господа, которые сейчас для «освещения» 1939 года пользуются «достоверными» высказываниями гитлеровских дипломатов, в том же 1939 году гарантировали Польше немедленную помощь, чтобы затем, беззащитную, предоставить ее всем ужасам гитлеровского вторжения. И борющейся, пылающей, обращаемой в руины Варшаве, вместо самолетов и боеприпасов, посылали из Лондона слова ободрения и восторга и советы быть стойкими. По радио.

Между тем, в те самые годы, когда к Гитлеру потоками плыло золото из Америки и шла помощь из Англии, Советский Союз упрямо, последовательно, стойко боролся за мир и предупреждал о надвигающейся опасности.

В Лиге Наций, в Генеральной Комиссии по разоружению, советский представитель тщетно добивался точного определения агрессора, тщетно требовал ограничения вооружений, тщетно настаивал на выработке форм коллективной безопасности, тщетно предупреждал, чем угрожает пассивность в вопросе об Абиссинии. Западные государства парализовали все эти усилия. Из Советского Союза раздавался мощный голос в защиту Испании, в защиту Чехословакии. И в том, что Польша в 1939 году оказалась одинокой перед лицом гитлеровской агрессии, целиком повинна многолетняя политика тех западных «друзей» Польши, которые годами подготовляли почву для гитлеровской агрессии, в надежде, что им удастся направить эту агрессию на восток — на Советский Союз. Они полагали, что Гитлер, ими созданный, ими вооруженный, послушно бросится на нас. Но расчеты оказались ложными. Гитлер напал на Англию раньше, чем на нас. Это был просчет американских и английских дельцов. Американские дельцы, впрочем, не слишком этим огорчились. Их заводов и банков никто не бомбил, а военные прибыли — это очень немалые прибыли.

Сейчас циничная банда торговцев жизнью — жизнью целых народов! — стремится обелить себя, клевеща на СССР. Это делается для того, чтобы отвлечь внимание от разыгрывающейся борьбы. Борьбы за мир, ведомой Советским Союзом, и борьбы за войну, которую ведут они.

Не удивительно, что господа из американского Государственного департамента столь охотно опубликовали гитлеровские сочинения, не проверив даже их достоверности. Ведь это сочинения людей, связанных с ними кроваво-золотой долларовой нитью, людей, с которыми их об'единяют близкие, торгово-политические и политически-торговые связи. Короче говоря — бизнес. А что этот бизнес процветал в грохоте рушащихся городов, в пламени школ и музеев, питаясь кровью миллионов, — это деталь, пустяки. Основное — бизнес.

Все имеет свои границы — говорили раньше. Но это оказалось неправдой. Оказалось, что есть нечто, чему нет границ, — это цинизм. Цинизм людей, которые во имя своих долларовых и фунтовых интересов уже раз привели человечество к катастрофе, а теперь снова готовят еще более страшную катастрофу. И при этом, чуя в запахе крови и пожарищ запах золота, запах прибылей, — убийцы народов рассчитывают на то, что им удастся обмануть мир, удастся, пустив в ход ложь и клевету, извратить историю. Но народы мира знают, что Советский Союз спас человечество от коричневой чумы, что Советский Союз — верный защитник мира и свободы всех народов.

Гитлер пытался обмануть народы. Ему это не удалось. Не удастся обмануть человечество и англо-американским и французским покровителям Гитлера!

Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ.

ВО ВСЕСОЮЗНОМ ОБЩЕСТВЕ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Вчера, 10 февраля, под председательством академика С. И. Вавилова состоялось очередное заседание Президиума правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Президиум утвердил тематический план чтения публичных лекций в Москве на март. Предусматривается продолжение циклов: «Произведения классиков марксизма-ленинизма», «Политическая карта мира», «Великие русские писатели», «Советское изобразительное искусство в 1947 году». Предстоят лекции министра пищевой промышленности СССР В. П. Зотова на тему «Пищевая промышленность на под'еме», министра текстильной промышленности СССР И. К. Седина—«Текстильная промышленность в новой пятилетке». Значительное место в плане отводится вопросам международной жизни. Многие лекции посвящаются вопросам естествознания, техники, физико-математическим наукам. Всего в Москве будет прочитано около 90 лекций.

По решению президиума с 15 февраля по 15 марта на местах будут проведены общие собрания членов Общества для ознакомления их с решениями состоявшегося в январе 1-го с'езда.

Президиум утвердил уставы Белорусского, Латвийского, Молдавского и Туркменского республиканских обществ по распространению политических и научных знаний.

В действительные члены Общества приняты 425 ученых, общественных и политических деятелей страны. Более 40 организаций принято в члены-коллективы.

УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Государственное издательство художественной литературы готовит к печати ряд произведений украинских писателей в переводе на русский язык.

Сдан в производство большой сборник «Поэзия Советской Украины» об'емом более 40 печатных листов. В нынешнем году закончится издание полного пятитомного собрания сочинений Т. Шевченко и будет продолжено издание пятитомника произведений И. Франко. Массовым тиражом, более 200 тысяч экземпляров, выйдет сборник «Украинские народные сказки». В однотомник произведений М. Коцюбинского (40 печатных листов) войдут лучшие повести писателя.

Издательство «Советский писатель» выпустит сборник «Украинские новеллы», роман А. Гончара «Знаменосцы», повесть Ивана Ле «Наливайко», а также сборник избранных стихотворений М. Бажана, С. Голованивского, Л. Первомайского, В. Сосюры и других.

ШТАБ АМЕРИКАНСКОГО ФАШИЗМА

Сергей КОЗЕЛЬСКИЙ

1. «Наци» и «Намци»

Сами они называют себя НАМ.

Другие называют их «намци».

НАМ—инициалы американской «Национальной ассоциации промышленников» («National Association of Manufacturers»).

НАМ — или, в переводе на русский язык, НАП — это цитадель американского фашизма, его верховный штаб, его материальная и идеологическая база.

«Намци» — прозвище, данное этой ассоциации уже лет десять назад. Оно изменяет название НАМ по созвучию с немецким, недоброй памяти, словечком «наци» и с предельной точностью выражает подлинную сущность ассоциации.

В опубликованной вчера нашей центральной печатью исторической справке «Фальсификаторы истории» с полной неопровержимостью показано, как магнаты доллара — все эти «намци» — планомерно, настойчиво, с заранее обдуманным намерением финансировали германский империализм, вооружали духовно и материально гитлеровскую агрессию, всячески содействовали разжиганию второй мировой войны. Особую роль в этой кровавой политике играли, разумеется, воротилы из Национальной ассоциации промышленников, всегда покровительствовавшие германской реакции и фашизму.

Именно монополии США, как это и подчеркивается в справке, поддерживали самые тесные связи с германским Стальным трестом, с таким гнездом международных финансовых и политических интриг, как «Банк Шредера», наконец с трестом И. Г. Фарбениндустри, роль которого в развязывании второй мировой войны хорошо известна.

Американский сенатор Клод Пеппер с полным основанием подчеркивает, что истинным поджигателем войны следует считать даже не «буйного гитлеровца-штурмовика в коричневой рубашке», а «респектабельно одетого, внешне приличного Германа Шмитца, — председателя правления И. Г. Фарбениндустри». По именно Герман Шмитц, кстати говоря, контролировавший одновременно американскую фирму «Дженерал Дейстаф корпорейшн», и являлся одним из наиболее доверенных лиц НАП в Германии и своим человеком на Уолл-стрит. Американские империалисты активно помогли гитлеровцам разжечь вторую мировую войну, непрерывно раздувая огонь и подбрасывая в него целыми пригоршнями доллары. «Англия и США, — пишет Роберт Сесюли в своей книге «И. Г. Фарбениндустри»,—сражались во второй мировой войне против врага, которому они же помогли вновь вооружиться».

Всячески покровительствуя нацистам в Германии, магнаты Уолл-стрит с не меньшим усердием насаждали и продолжают насаждать фашизм в Америке и во всем мире.

Фашизм в Америке — понятие не новое.

Ку-Клукс-Клан — старейшая фашистская организация.

Она существует больше восьмидесяти лет. Еще деды нынешних фашистских молодчиков щеголяли в таких же белых шутовских балахонах и в белых полумасках, которые не могут, однако, прикрыть черную душу негодяя. И деды, так же, как внуки, линчевали ни в чем не повинных людей — за то лишь, что кожа у них темнее, чем балахон Ку-Клукс-Клана.

А три десятка лет назад, когда в Италии Бенито Муссолини лишь затевал свой поход на Рим, превративший затем Италию в фашистское государство, — в США уже свирепствовал подлинно фашистский террор. Как тогда, так и теперь подоплекой полицейско-фашистских погромов в Америке был план «большого бизнеса»: сначала разбить рабочее движение, а затем остановить развитие демократии в США.

За всеми этими делами, за оголтелым наступлением фашизма на прогресс и свободу стоят планы, надежды и цели НАП.

«Национальная ассоциация промышленников» об'единяет около 16.000 фирм с общим капиталом более чем в 60 миллиардов долларов.

Эта ассоциация в действительности повелевает Соединенными Штатами Америки, определяет их внутреннюю и внешнюю политику, об'единяет и вдохновляет агрессоров.

Разжигание гражданских войн, натравливание одного народа на другой, подготовка третьей мировой войны—все это происходит сегодня по указке промышленных и финансовых воротил Америки, по воле НАП.

Нет такого грязного метода, каким погнушалась бы НАП. Нет грязной душонки, которой НАП пренебрегла бы, — лишь бы только душонка эта могла принести пользу для осуществления тайных целей американского капитала. Перелет Миколайчика и мутные фонтаны саратовской клеветы, шпионаж в Югославии и болтовня Ялчина в Турции, униформа греческого хитоса и бокал дешевого вина для де-голлевского молодчика оплачиваются по чекам НАП.

Кого же об'единяет НАП, и какие цели она преследует?

16.000 фирм, образующих «Национальную ассоциацию промышленников», посылают на с'езды НАП лишь около 2.500 делегатов. Это происходит оттого, что в США, в результате растущей концентрации капитала и укрепления финансовой олигархии, многие фирмы об'единены в руках одного хозяина. Известный американский публицист Джордж Сельдес назвал свою последнюю книгу «1.000 американцев».

Тысяча американцев, которым посвятил свою книгу Сельдес,—это финансовые и промышленные тузы Америки, владеющие концернами и банками, трестами и железными дорогами. Эта тысяча, по словам Сельдеса, «блокирует прогресс Америки». От ее воли зависят жизнь и благополучие 140 миллионов американцев.

Американские дипломаты, журналисты и конгрессмены твердят по-старинке, что их нимало не интересуют внутренние дела других государств, что они могли бы ужиться с любой системой правления, избранной другими народами. Но руководители НАП уже начинают пренебрегать такой маскировкой. С циничной прямотой высказывают они свои подлинные мечты.

Поль Гофман, президент компании «Студебекер корпорэйшн», заявил:

«Откровенно говоря, мы думаем, что на земном шаре существуют обширные территории, где жилось бы гораздо лучше, если бы там попытались создать систему динамического капитализма».

«Динамическим» деятели НАП называют свой собственный, современный американский капитализм.

Конечно, Поль Гофман не вполне откровенен. В приведенной фразе он стыдливо не написал, кому именно жилось бы лучше на помянутых им «обширных территориях», если бы там насажден был «динамический капитализм». Речь идет все о той же «тысяче американцев». Никто другой Поля Гофмана попросту не интересует.

Воинствующий «динамический капитализм» в лице НАП подчинил себе не только дипломатию, но и военное министерство США.

Пресловутый мистер Барух, адвокат по делам атомной бомбы, принадлежащий к кругам НАП, заявляет:

«Джентльмены, пришло время организоваться... Пришло время для мужества и решений».

Мужественные решения джентльменов из НАП выливаются в форму оголтелой фашизации Америки, безудержного пришпоривания вооружений и подготовки к новой мировой войне.

2. Династии поджигателей войны

Дворянская Европа кичилась своей «голубой кровью». Династические браки охраняли эту «голубую» кровь от чужой примеси. В жилах американских промышленников не течет голубая кровь. Может быть, услужливый журналист назовет голубым жир, который они накопили? Как бы то ни было, династические браки утвердились в среде американской финансовой олигархии так же прочно, как были они узаконены когда-то между королевскими домами Старого Света. Это привело к тому, что вся клика, которая вершит сегодня судьбами США, прочно связана родственными узами. НАП—это тысяча американцев. А тысяча американцев—это тринадцать фамилий, которые давно уже перестали быть именами в собственном смысле этого слова, но превратились в понятия.

Морганы, Дюпоны, Рокфеллеры, Меллоны, Пью, Карнеги, Лунды, Гиффорды, Грэйсы — королевские династии американской финансовой олигархии.

Им принадлежит не только американская промышленность. Они владеют крупнейшими банками, железными дорогами, авиационными линиями, страховыми обществами.

Династия Морганов. Ей принадлежит контроль над 13 гигантскими промышленными корпорациями с «Юнайтед стил корпорэйшн» во главе. Она контролирует также 12 компаний общественного обслуживания, из коих «Америкэн телефон энд телеграф компани» является крупнейшей в стране, 37 электрических компаний, 11 железных дорог и несколько крупных финансовых концернов дополняют этот список. Члены фирмы Моргана занимают 126 директорских постов в 89 компаниях с общим активом свыше 20 миллиардов долларов.

Династия Дюпонов. Это — химическая промышленность, рудники, железные дороги, банки. Это—контрольный пакет акций автомобильного гиганта «Дженерал моторс», являющегося краеугольным камнем НАП.

Дж. Говард Пью. Это—нефтяная компания «Саноко», судостроительная компания «Сан», Филадельфийский национальный банк. Кроме того, Дж. Г. Пью—это совращающие умы американцев журналы «Патфайндер» и издающийся для фермеров «Фарм джорнал».

Общий бизнес скрепляется кровным родством. Дом «А. П. Слоун» сроднился с домами Дюпонов и «империей» Пульмана не только благодаря заключенным бракам: их роднят пакеты акций «Дженерал моторс» и «Компании пульмановских вагонов».

Во главе НАП стоит, как это принято считать официально, президент ассоциации. На самом деле президент является лишь подставной фигурой, марионеткой, которая не обладает в ассоциации реальным весом.

Истинным вершителем дел в НАП, ее военным советом является таинственный Комитет двенадцати, или, как его называют обычно, «Комитет специальных конференций». Об этом комитете не принято говорить громко. Буржуазная пресса никогда о нем не пишет. Собирается он под охраной нанятых шпиков, в обстановке строжайшей тайны.

Этот комитет решает важнейшие стратегические вопросы. Он составляет планы борьбы против рабочего класса, планы подавления прогрессивного движения и укрепления американского фашизма.

Марионеткой в руках этого комитета является не только подставной президент НАП, но и президент США — Гарри Трумэн.

В правительственный аппарат входят десятки промышленников, банкиров и биржевиков, тесно связанных с ассоциацией, выполняющих решения Комитета двенадцати. Достаточно назвать таких людей, как министр обороны Форрестол, заместитель государственного секретаря Ловетт, министр торговли Гарриман. Деятели НАП, замаскированные военными мундирами и осененные генеральскими звездами, раз'езжают по свету в качестве всевозможных «советников» и «экспертов», оставаясь прежде всего полномочными наблюдателями, действующими в интересах ассоциации. Вспомним для примера генерала Уильяма Дрэйпера, который точно так же, как и Форрестол, является членом крупнейшей биржевой и банковской фирмы Диллон, Рид и К°.

Национальный комитет республиканской партии (а также часть комитета демократической партии) давно уже стал послушным орудием НАП.

Член палаты представителей Сэбат недавно заявил с трибуны конгресса:

«Приказы НАП передаются в комитет республиканской партии, и последний намечает тех сенаторов и конгрессменов, которые должны выполнить ту или иную роль, угодную НАП. Пью и Дюпоны, заправляющие НАП, руководят также республиканской партией. Они наметят и кандидата в президенты от республиканцев на предстоящих выборах».

По требованию НАП, Гарри Трумэн сместил Эклеса с поста председателя федерального резервного управления. По той же причине смещены были Лэндис, председательствовавший в управлении гражданской авиации, и Майер, руководивший управлением общественного строительства.

Страх перед надвигающимся кризисом определяет ныне всю политику американской ассоциации промышленников. Террор внутри страны сочетается с экспансией, направленной на овладение внешними рынками. «Доктрина» Трумэна и «план» Маршалла — близнецы закона Тафта — Хартли, прозванного «законом о рабстве труда». Все это вместе взятое—осуществление стратегических планов НАП.

И существеннейшей частью этих планов является усиленная фашизация США, всемерное укрепление существующих и создание новых, явных и тайных фашистских организаций.

3. Штурмовые отряды Уолл-стрит

Даже по названиям своим эти организации похожи на другие подобные организации, которые существовали и существуют в иных странах. «Крестоносцы» и «Часовые республики», «Либерти лиг» и «Серебряные рубашки», «Христианский фронт» и «Духовная мобилизация», «Национальное возрождение» и «Американское действие»—такие организации вырастают, как грибы, и от каждой из них тянутся нити к НАП в целом и к династиям, которые составляют верхушку ассоциации.

Финансовые и промышленные тузы поддерживают деятельность фашистов не только материально. Они присутствуют на банкетах и на митингах, устраиваемых фашистскими организациями. А такой видный деятель НАП, как архимиллионер Эдуард Хаттон, сам вступил в организацию «Американское действие».

Раньше НАП старалась скрыть свои связи с фашизмом. Теперь она афиширует их, нимало не стесняясь. Видимо, приближается час, когда у американских капиталистов не останется времени на маневры и придется открыто об'явить свою ставку в игре,—так же, как это произошло с германскими промышленниками в 1933 году.

Любимым детищем НАП и подлинной штурмовой организацией американского фашизма является Американский легион.

Точно так же, как и Ку-Клукс-Клан, Американский легион является одной из крупнейших фашистских организаций. Организация эта сознательно создавалась как штурмовой резерв крупного капитала.

Руководящие должностные лица в Американском легионе сами являются членами НАП. Легион называют «самой крупной силой, действующей против гражданских свобод американского народа».

Кроме Американского легиона, в США существуют десятки других штурмовых организаций фашизма. К их числу принадлежат «Националисты-ветераны второй мировой войны», руководимые фашистом Джеральдом К. Смит; 400.000 фашистских штурмовиков об'единены в «Бригаду св. Севастиана».

Общее количество фашистских организаций, насаждаемых и поддерживаемых финансовой олигархией США, достигает 200.

Активизация фашистского движения сопровождается усиленной идеологической обработкой «среднего американца». Эта кампания также ведется по планам НАП и щедро финансируется ассоциацией. Используются печать и радио, кинематограф и театр.

Три миллиарда долларов, ассигнованных НАП на «рекламу идей», — такова цена развращения народного мышления во имя защиты крупного капитала от прогрессивного движения.

Для американских бизнесменов амвон церковного проповедника также представляет трибуну для рекламы идей.

В августе 1946 года в Кэмбридже состоялась международная конференция руководителей церквей с целью организации «единого фронта» между протестантскими церквами и Ватиканом. Председателем этого с'езда и главным докладчиком оказался не кто иной, как один из доверенных деятелей НАП, небезызвестный Джон Фостер Даллес.

НАП захватывает в свои руки цензуру, стремясь задушить прогрессивную мысль в учебниках, в научных трудах, в художественных книгах, в выпускающихся на экран фильмах.

Цензор Джозеф Брин, человек, близкий к кругам НАП, просмотрев фильм «Наслаждение идиота», велел выбросить оттуда речь, направленную против войны. В фильме «Три товарища» тот же Брин приказал заменить фашистских изуверов некими «коммунистическими бандитами». Из картины «Они дали ему ружье» вырезаны все пассажи, «включающие мысль, что война не является славным и благородным делом». Из фильма «Одинокий волк бродит» удалены, по велению того же Брина, «все враждебные фашизму кадры».

Такова идеологическая деятельность НАП в сегодняшней Америке.

В подготовке войны НАП не ограничивается пропагандой и созданием штурмовых резервов.

По указке НАП и ее «Комитета двенадцати», ведется усиленная кампания за всеобщее военное обучение.

Пока вопрос разрешается в комиссиях и подкомиссиях, НАП не дремлет. Ассоциация протягивает руку к юношеству. Уже $1^1/_2$ года назад ассоциация выделила фонд в миллион долларов для создания своего «гитлер-югенда»: начался набор юношей и девушек в возрасте от 14 лет до 21 года в ряды организации, названной «Достижения юности».

Так подготавливается пушечное мясо для новой мировой войны.

Пучок ликторских розог, окружающих топор палача, и гитлеровская свастика сменились новым символом современного фашизма — знаком доллара.

Сегодня НАП — это штаб американского фашизма, штаб американских поджигателей войны.

Суд Линча — такова черта повседневного быта трумэновской Америки. Ни один мускул не дрогнул на лицах у запечатленных на снимке представителей американской «высшей расы». Чего стоит находящийся в центре джентльмен из Ку-Клукс-Клана, указующий жест которого красноречиво предупреждает: «Так будет поступлено со всяким, кто нам неугоден...»

Фото из газеты «Юманите».

Факты без комментариев

ОБЕЗЬЯНЫ И КАПИТАЛИСТЫ

Как указывает американский журнал «Нейчурал хистори», профессор психологии Иэльского университета Фрэнк Бич сообщил о проделанных им опытах над обезьянами. По утверждению Бича, «обезьянам можно привить любовь к деньгам. Некоторые даже начинают походить на капиталистов», — авторитетно заявил профессор Бич.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ КОНГРЕССМЕНОВ

Ресторан, существующий при американском конгрессе, закончил год с убытком в шестьдесят пять тысяч долларов. Управляющий рестораном Дэвид Лин об'яснил, что убыток причинен непрекращающимися кражами столового серебра.

Назначенная сенатом специальная комиссия, как сообщает французский журнал «Эбдо», вынуждена была подтвердить, что в ресторане конгресса ежедневно действительно пропадают серебряные ложки, ножи и вилки.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ

Парикмахер Доминик Даскона, обвиненный в том, что он не захотел обслужить негра—студента Мичиганского университета, мотивировал свой отказ тем что у него не было «специальных инструментов» для стрижки негров.

Лакейская карьера Жоржа Бидо

В. ВОЛОДИН

Его превосходительство г-н Жорж Бидо — маленький, всегда изысканно одетый человек с напомаженными волосами и столь же «напомаженным» голосом — принадлежит к числу тех современных политиков, которые усердно и не покладая рук работают над превращением Франции в покорного сателлита Америки. Бидо начинает играть для Вашингтона ту же самую роль, какую Лаваль играл для Берлина.

Некоторые дипломатические корреспонденты уверяют, что весьма странное поведение Бидо на важных международных совещаниях об'ясняется действием алкогольных напитков, к которым он питает давнее и прочное пристрастие. Мы не намерены оспаривать этого факта по существу. Тем не менее столь же неоспоримо и то, что на всех этих совещаниях Бидо бывает до крайней степени «опьянен» приказом своих хозяев.

Этот духовный воспитанник Ватикана отлично усвоил девиз иезуитов: «Ты будешь послушным, как труп!»...

Вот несколько примеров этого беспрекословного «послушания» м-сье Жоржа Бидо.

Всем памятно, что через несколько недель после его многочисленных «частных» встреч с Маршаллом во время сессии Совета министров иностранных дел в Москве коммунисты были изгнаны из французского правительства; всем памятно, как летом 1947 года он стал истерическим пропагандистом «плана Маршалла» и сделал неуклюжую попытку заманить СССР и страны новой демократии в западню американской «помощи». Памятны и антисоветские провокации, которые в декабре 1947 года в Париже послужили достойным «аккомпанементом» к лондонской сессии Совета министров иностранных дел, где Бидо вновь проявил себя, как преданный лакей Маршалла.

Откуда же появился на французском политическом горизонте господин Жорж Бидо?

Словно по мановению волшебной палочки этот человек вынырнул в один прекрасный день из политического небытия. Последующие взмахи той же палочки вознесли его на высокий государственный пост.

Вплоть до второй мировой войны Жорж Бидо не пользовался известностью. Все, что мы знали о нем, это то, что он преподавал историю в средней школе, а затем перешел работать в редакцию весьма маловлиятельной католической газеты «Об» — органа одной скромной католической фракции французского парламента.

Впрочем, еще одна деталь из довоенной биографии господина Бидо заслуживает внимания. По сообщению французской газеты «О-з-экут», католические священники заставили Жоржа Бидо работать над составлением документов, которые в 1929 году превратились в «Латеранский договор», оформивший примирение папы с Муссолини.

Незаметный преподаватель средней школы, участвовавший в составлении наиболее важного дипломатического документа папства XX века, разумеется, не был рядовым католиком. Агенты Ватикана выделили этого человека и предназначили его для видной роли.

Но римская церковь очень осторожно использует таких людей. Как гласит французская пословица, она «никогда не помещает всех своих капиталов в одно предприятие».

Разразилась вторая мировая война. Ночь оккупации простерлась над Францией. Когда освобождение вновь принесло стране свет, маленький Бидо неожиданно стал видным человеком.

И сам Бидо, и его покровители не упускают возможности при всяком удобном и неудобном случае напомнить миру, что речь идет о человеке, который в свое время возглавлял Совет национального Сопротивления Франции. Но при этом они, разумеется, умалчивают о том, что лишь вероломное использование случайного стечения обстоятельств позволило Бидо взобраться на гребень волны. Точно так же молчат они и о том, сколько усилий прилагал Бидо, чтобы затормозить размах Сопротивления, не допустить взрыва народного гнева, как он старался вести массы по пути «своевременных» выступлений и «постепенно разгорающейся» борьбы, а также всячески содействовал распространению насквозь лживой и сфабрикованной по заданию Черчилля легенды о де Голле, как о «рыцаре Сражающейся Франции». Вот почему и тогда Бидо вполне устраивал французскую реакцию и по сути дела служил ей, а не народу. Похоже на то, что уже в те годы Бидо умудрялся воспринимать букву «V» — этот пламенный символ Сопротивления и победы—по-своему: как некий прообраз значка, которым обычно на всех биржах мира обозначают доллар!

Но вот закончились черные дни оккупации. Французский народ победил и воспрянул духом. И не он вспомнил тогда о Бидо: о нем вспомнила реакция.

Последовал первый взмах волшебной палочки. Жорж Бидо вышел из мрака.

С тех пор взмахи волшебной палочки непрестанно повторялись. Нетрудно их перечислить.

При следующем взмахе Ж. Бидо становится министром иностранных дел генерала де Голля. При третьем — партия Бидо, выступающая теперь под названием Народно-республиканское движение (МРП), превращается в одну из самых влиятельных буржуазных партий; она об'являет себя «партией верности де Голлю». Четвертый взмах — и эта партия получает поддержку трестов. При пятом, когда де Голль отказался от власти в январе 1946 года, — «партии верности» удается поставить Бидо на место де Голля. После принятия новой конституции следует очередной взмах волшебной палочки — и Жорж Бидо оказывается на посту министра иностранных дел.

Подобно де Голлю, открывшему «доктрину Трумэна», Бидо удается «открыть «план Маршалла»; это означает, что «партия верности» сохраняет верность, главным образом, политике повиновения американскому экспансионизму.

Рис. В. Медведева.

Кто же является волшебником, совершающим столь магические превращения? Пожалуй, этих волшебников несколько.

Но ни один из них в последнее время не может, однако, соперничать с Уолл-стрит. Больше того: давние и прочные связи Бидо с Ватиканом приобретают особый смысл, если учесть, как усердно поворачивается «лицом к США» и сам Ватикан. И кто знает, не было ли названо имя Жоржа Бидо в качестве «верного человека» хотя бы в тех секретных беседах, какие не так давно вел кардинал Спеллман во время своего пребывания в Ватикане?!

Жоржа Бидо с полным основанием называют американским министром французских дел. Он с одинаковой угодливостью прислушивается и к хриплому голосу американского посла в Париже — Кефферп, и к нечленораздельной болтовне представителей фашистского «Американского легиона», которых демонстративно принимает на Кэ д'Орсе.

Малейший приказ Уолл-стрит Бидо со всех ног бросается выполнять немедленно и беспрекословно. Еще в сентябре прошлого года он считал необходимым хотя бы на словах утверждать, что Франция окажет помощь испанским республиканцам в их борьбе против Франко. Но вот последовал очередной взмах руки или даже кивок из Вашингтона. И Бидо, грубо попирая волю французского народа, официально восстанавливает связи с франкистским правительством и пытается тем самым укрепить положение кровавого «фюрера» фалангистов.

В своей изысканно холуйской речи по случаю подписания франко-американского соглашения о «помощи» Бидо не побоялся назвать этот акт закабаления трудящихся Франции «незабываемым»; вместе с тем, опасаясь, что его рвение не будет все же должным образом расценено за океаном, он всячески настаивает на необходимости благодарить США «громко и ясно». Сам Бидо, как мы видим, делает это ежедневно и ежечасно. Он вот-вот готов согласиться на провозглашение «Тризонии» и на отказ от получения репараций с Германии, если этого требует Уолл-стрит. Он готов окончательно привязать Францию к колеснице Вашингтона, сделать ее стратегическим придатком «империи доллара» и даже предоставить США военные базы на территории Франции, чтобы только заслужить расположение магнатов Уолл-стрит.

Для столь успешного и послушного выполнения приказов своих хозяев надо обладать поистине полным отсутствием всяких национальных чувств и особыми способностями к лицемерию. Советским людям хорошо известны «обольстительные» улыбки Ж. Бидо, появляющиеся у него на устах именно тогда, когда он затевает очередной дипломатический обман...

Жорж Бидо не только сам является ревностным проводником политики Уолл-стрит, но и без особых усилий поставил на службу своим заокеанским покровителям учреждение, которое называют во Франции «Кэ д'Орсе», то-есть министерство иностранных дел.

Французские дипломаты-профессионалы всегда пользовались и продолжают пользоваться прочной и заслуженной репутацией самой реакционной группировки во всем французском государственном аппарате. И это понятно: на дипломатическую службу, куда был открыт широкий доступ аристократии, не принимали выходцев из народа; кроме того, многие дипломаты имеют давние и самые тесные связи с французскими трестами.

Подавляющее большинство этих высших чиновников лойяльно служило изменнику Петэну, как до того служило изменнику Боннэ. «Чистка», которая вообще была очень снисходительной во Франции, оказалась еще более снисходительной к этим господам. Только нескольких человек, которых уж никак нельзя было «не заметить», заменили людьми из той же среды. После освобождения страны от гитлеровской оккупации министерство иностранных дел Франции попрежнему осталось питателем от'явленных реакционеров, приверженцев «западной политики», людей, настолько тесно связанных с «200 семейств», что на некоторых международных конференциях список французской делегации напоминает справочник банкирских домов и промышленных фирм.

Бидо, нисколько не стесняясь и не боясь себя скомпрометировать, сделал все, чтобы сблизиться с этими людьми, причем демонстративно. Парижские сатирические издания часто высмеивают его попытки подражать степенной походке «господ с Кэ д'Орсе». Этому сближению способствовало, наконец, и то обстоятельство, что в 1945 году он женился на единственной женщине во французском дипломатическом корпусе. Конечно, брак — дело частное, и выбор, сделанный г-м Бидо, касается только его самого. Но мадам Бидо продолжает фигурировать в списках французских дипломатов. Есть все основания поэтому утверждать, что каста чиновников, преданная трестам и реакции, имеет немало шансов влиять на своего министра. События говорят о том, что шансы эти отнюдь не остались не использованными. Пожалуй, о том же говорит и недавнее награждение госпожи Бидо американской медалью, которую вручил ей «за особые заслуги» посол США Кефферп в своей частной резиденции.

Ватикан, Уолл-стрит, «200 семейств»... Слишком много щедрых покровителей склонилось над «маленьким человечком», чтобы сделать его большим. И «маленький человечек» пуще всего боится сейчас не угодить своим покровителям...

Но настанет день, и французский народ, расправив могучие плечи, раз и навсегда преградит путь темным силам, руководящим роковыми действиями Жоржа Бидо. «Маленький человечек» будет призван к ответу и начнет судорожно оправдываться:

— Я боролся против гитлеровского империализма и против его сообщников.

— Но три года спустя, придя к власти, ты сам помогал американскому империализму и стал одним из его главных прислужников.

— Я подписал пакт с Советским Союзом, чтобы обеспечить безопасность и независимость Франции.

— Но на следующий же день ты намеренно забыл о нем и считал его клочком бумаги.

— Я боролся против фашизма во время оккупации.

— Но три года спустя ты подобострастно жал руку американцу Даллесу за то, что он вслед за палачами-эсэсовцами повторил: «Коммунисты — не французы». Маленький человечек, как назвать твои действия?

И, не ожидая ответа, французский народ признает:

— Их следует назвать изменой!

Николай ПОГОДИН

Не понесем на руках д-ра Симмонса...

В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» недавно было напечатано письмо сэра Бернарда Пейрса — письмо в своем роде уникальное, равно как и в высшей степени скандальное.

Письмо сэра Бернарда Пейрса появилось на страницах «Нью-Йорк геральд трибюн», как фактический ответ на статью «Литературной газеты» (без упоминания об этой статье), критиковавшую псевдонаучные «труды» американского профессора Эрнеста Дж. Симмонса, называющегося в США «крупнейшим специалистом по русской литературе».

В прошлом году проф. Симмонс выпустил в свет обширный труд, посвященный Льву Николаевичу Толстому, и дал опять-таки обширный очерк о современной советской литературе.

Наша критика высказала мнение, что эти «труды» никак нельзя назвать научными.

Неожиданно эта обычная литературная критика вывела из себя и заставила возопить престарелого сэра Б. Пейрса.

Кто он такой, этот восьмидесятилетний старик, взбешенный до крайности, до предела, до маразма?

Англичанин. Профессор. Баронет (сэр). Русовед. Знаток русского языка, истории, литературы. В 1946 году переехал из Англии в США.

Уникальное его письмо начинается следующим образом:

«В газету «Нью-Йорк геральд трибюн». В номере вашей газеты от 20 октября ваш московский корреспондент сообщает о совершенно непристойных нападках советской прессы на одного из наиболее крупных ученых-русоведов в Америке — м-ра Эрнеста Дж. Симмонса, в настоящее время руководящего факультетом славянских языков в Колумбийском университете. Выступление советской прессы сразу вызвало дополнительный «мазок» со стороны одной из американских газет, наиболее нетерпимой ко всему, что пишут в США о русских. Два голоса соединились в едином хоре. Этого надо было ожидать. Э. Дж. Симмонс не снизошел до ответа им, но вопрос имеет слишком большое принципиальное значение, чтобы его коллеги могли об этом умолчать».

Легко понять, в какую позицию становится сэр Б. Пейрс. Дескать, на склоне лет своих он не утратил об'ективного и принципиального отношения ко всему, что касается русских, но мы, русские, советские люди, мол, мешаем этому об'ективному дружескому взаимопониманию, и наша критика портит все дело.

«Друг»... Друг, который 49 лет специально изучал Россию, как он пишет в этом письме. Друг, прибавим мы, который неоднократно посещал Россию, начиная с 1898 года; он бывал в нашей стране и в годы первой мировой войны, и в годы войны гражданской, и, наконец, в 1936 году.

С жаром этой дружбы, которая вдруг переходит в бесноватость, сэр Б. Пейрс защищает своего коллегу от нашей критики:

«Д-р Симмонс, после безвременной смерти гарвардского профессора Самуэля Кросса, — крупнейший американский авторитет в области русской литературы, которая является важнейшим проводником русской мысли, как политической, так и экономической. Он только что закончил великолепный труд о Льве Толстом, для которого использовал ценные новые работы, созданные видными советскими учеными после революции (при царе о Толстом ничего не писалось). За эту книгу русские писатели, столь чуткие к каждому случаю признания своих лучших и наиболее любимых писателей, должны были бы его носить на руках. Но теперь, когда они считают своим долгом унизить все американское, эта последняя работа д-ра Симмонса, представляющая собой большое событие в истории русской литературы, подвергается осмеянию».

Так поразительно и мгновенно, в одном абзаце, на одном дыхании может человек вывернуть наизнанку все свое «доброжелательство».

Быть может, это профессиональная ловкость больших превращений? Или, может быть, что-то иное?

Но прежде всего условимся, что мы, русские писатели, не будем носить на руках д-ра Симмонса. Не за что. И если уж сэр Б. Пейрс ставит вопрос столь решительно, то мы также решительно отметим, что этот «великолепный труд о Толстом», говоря по правде, пропитан бульварным духом, рассчитанным на рынок, на бизнес, как для сочинителя, так и для его издателей.

С отвратительной фамильярностью вышеназванный профессор пишет об интимной жизни Толстого, что, по сути дела, больше всего и занимает его. Он, этот «крупнейший авторитет в области русской литературы», ухитрился в книге, насчитывающей 800 страниц, не сказать ничего дельного о главных художественных произведениях Толстого, составляющих мировую славу и определивших мировое значение великого писателя. Притом надо отметить, что профессор Симмонс действительно знает русскую литературу, читает ее в подлинниках, владеет русским языком. В таком случае его «научный труд» не может не оскорблять русских людей. В таком случае и критика этого «труда» делается серьезной, определенной, радикальной. С невежды нечего было бы и спрашивать.

Ни большим, ни малым и вообще никаким событием книга д-ра Симмонса не является, ибо это — очередное рыночное изделие, ничего общего не имеющее с «благородной наукой», к служителям которой сэр Б. Пейрс причисляет себя и своего «близкого друга и коллегу» д-ра Симмонса.

Статья престарелого Б. Пейрса заканчивается грубой бранью по адресу советских писателей. Старик не сдержался. Если бы мы принимали, павши на колено, «все американское» и в том числе подобострастно приветствовали нечистоплотную литературную стряпню о Толстом,—стряпню, искажающую Толстого, скрывающую от американского читателя истинного Толстого, — тогда бы Б. Пейрс протянул нам свою дряхлеющую руку из-за океана.

Такое рукопожатие не состоится никогда. Подобного «взаимопонимания» не произойдет между нами. И это положение, повидимому, отлично понимает Б. Пейрс, «знаток русской истории, литературы и языка», иначе он не разразился бы бранью.

Выше мы назвали его письмо в редакцию «Нью-Йорк геральд трибюн» уникальным. Попытаемся об'ясниться.

Оглянувшись назад, в глубь времен, мы увидим пятидесятилетнего англичанина, бывшего почетного секретаря лондонского англо-русского комитета, раз'езжающего по России в качестве эмиссара правительства Керенского и агитирующего против большевиков. Это был Б. Пейрс.

Начинается гражданская война. В ставке Колчака появляется английский офицер «по пропаганде», имеющий широкие полномочия действовать от имени правительства Англии в сплочении антисоветских сил вокруг «верховного правителя». Английский офицер отличается большой энергией, он оказывает серьезные услуги Колчаку и своей разведке. Эти услуги настолько серьезно оцениваются английским правительством, что в 1919 году английский офицер получает звание баронета. Это был уже сэр Бернард Пейрс.

В годы второй мировой войны, за несколько лет до опубликования этого письма в «Нью-Йорк геральд трибюн», старый соратник Колчака начал по-иному рекламировать себя, утверждая, что он не только об'ективный и «лояльный» профессор-русовед, но даже «друг» Советского Союза.

Причин к такому превращению было много, рассказывать о них долго, да они, впрочем, понятны и без об'яснений. И вдруг, как видим, сей «друг» неожиданно рассвирепел, впал в самозабвение и в припадке маразма раскрылся,—перед нами предстал все тот же белогвардеец, контрреволюционер, разведчик, каким он был тридцать лет тому назад.

Так что суть дела тут не в защите «близкого друга и коллеги» от литературной критики и советской прессы. Да и Пейрс по существу самой критики ни словом не обмолвился.

Он разоблачил лишь самого себя, а заодно и ту свою «науку», за которую мы не будем «носить на руках» подобных «русоведов».

О чем взгрустнулось журавлю

В одиннадцатом номере журнала «Октябрь» (1947 год) напечатано стихотворение П. Комарова «Комбайны вышли со двора». Приводим его полностью:

Комбайны вышли со двора:
Уже пшеницу жать пора,
По плечи вымахала рожь,
И урожай овса хорош,
И знойный колос ячменя
Недаром ждет меня.

Кто первым в поле уловил
Проворный шелест мотовил,
Кто в бункерах увидеть мог
Парного семени дымок,—
Тому земля родных полей
Становится милей.

А над комбайнами вдали
Уже курлычут журавли,
И я любому журавлю
Вдогонку крикнуть норовлю:
«Летишь ты, птица, в этот раз
Не во-время от нас».

Странную картину комбайновой уборки изобразил поэт! Он восхищен «парными семенами», образующими «дымок» в бункере. Если перевести поэтический восторг на язык агротехнической прозы, то этот дымок означает самосогревание зерна в бункере, которое происходит только при высокой влажности зерна и при наличии в нем влажной примеси сорняков. Самосогревание является крайне нежелательным, так как требует немедленной сушки зерна. Видимо, уборка, которой восхищается поэт, происходит с большим опозданием, когда хлебостой засорен сорняками и дожди повысили влажность хлеба. Эту догадку подтверждают курлыкающие в небе журавли. Напрасно упрекает поэт журавлей, что они не во-время улетают. Упрекать нужно тех, кто затянул уборку! Нам кажется, что стихотворение, описывающее комбайновую уборку, приуроченную к периоду отлета журавлей, должно было бы звучать так:

Комбайны вышли со двора,
Когда давно убрать пора,
Осыпались пшеница, рожь,
Полег овес, а был хорош...

А над комбайнами вдали
Печально стонут журавли,
И разгадать я норовлю,
О чем взгрустнулось журавлю
А крик его легко понять:
«Нельзя так поздно убирать».

Хочется напомнить способному поэту П. Комарову слова действительного члена Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина проф. Якушкина о том, что писателям, изображающим советскую деревню, не мешает знать основы сельскохозяйственной науки.

К. ХВЫЛЯ,
кандидат технических наук, доцент
(Украинский научно-исследовательский институт зернового хозяйства)

Иллюстрации художника В. Вальдмана к роману Вилиса Лациса «Буря» (Латвийское государственное издательство, Рига, 1947 г.)

КТО ПРЕГРАЖДАЕТ КНИГЕ ПУТЬ К ЧИТАТЕЛЮ?

„СВОИ“ и „ЧУЖИЕ“

Художественные произведения советской литературы выполняют благородную задачу коммунистического воспитания народа. Издание книг советских писателей является предметом особой заботы партии и правительства. Вот почему счет, который мы этим письмом пред'являем издательству «Московский рабочий» и персонально его директору тов. Чагину, является вопросом государственной важности.

В августе 1946 года Совет Министров СССР вынес решение о мерах помощи издательству «Советский писатель». Этим постановлением правительство обязало директора издательства «Московский рабочий» (тов. Чагина) ежемесячно выполнять в типографии «Московского рабочего» 70 печатных листов набора и 2 миллиона листов-оттисков печати для издательства «Советский писатель».

Прошло полтора года — срок, достаточный для того, чтобы тов. Чагин смог отчитаться перед советскими читателями в выполнении правительственного задания.

36 млн. листов-оттисков художественной литературы или, переводя на понятный каждому язык, примерно 150 романов или повестей, сборников стихов или рассказов, альманахов или критико-публицистических изданий должна была изготовить за эти полтора года по заказу издательства «Советский писатель» типография «Московского рабочего».

150 книг! Это произведения писателей и поэтов, новые книги альманаха «Дружба народов», приобщающие читателя к духовным богатствам культуры всех советских республик.

Но спустя год после получения правительственного задания, т. е. к августу 1947 года, типография «Московского рабочего» напечатала для «Советского писателя» вместо 24 миллионов листов-оттисков менее 9 миллионов, т. е. всего лишь 37 проц. к общему заданию.

Трудно перечислить все жалобы, требования, настояния, посредством которых издательство «Советский писатель» в течение последних полутора лет пыталось заставить тов. Чагина и директора подведомственной ему типографии тов. Буйволова выполнить их обязанности.

Каждый раз, формально приняв план по набору и печати рукописей «Советского писателя», тов. Чагин уклонялся от изготовления книг, мотивируя отказы всякими об'ективными причинами.

Вместо того, чтобы привести мощность цехов своей типографии в соответствие с важным государственным заданием, тов. Чагин с упорством, заслуживающим иного применения, равняет свою производственную линию на «узкие места» типографии и каждый раз, когда наступает очередная кампания, полностью прекращает выполнение «чужих» заказов, т. е. заказов, размещенных в его типографии по решению правительства.

Но, может быть, сейчас издательство «Московский рабочий» наверстывает упущенное?

Ничего похожего! Тов. Чагин почти полностью прекратил печатание книг «Советского писателя». Больше того: уже отпечатанные книги лежат по многу месяцев без движения в листах, сложенные на складах типографии, и тиражи их не сдаются. Можно для примера назвать повесть Г. Березко «Ночь полководца», — она отпечатана еще 27 июня 1947 года, и только в конце года типография начала изготовлять ее тираж. Сорвано издание альманаха «Дружба народов»—две книги альманаха (из четырех!) не поступили к читателю в 1947 году.

В результате нежелания тов. Чагина сотрудничать с издательством «Советский писатель» последнее вынуждено после длительных задержек итти на крайние меры: грузить на автомашины отпечатанные типографией «Московского рабочего» листы и перевозить их для брошировки в другие типографии, либо перебрасывать готовый набор залежавшихся книг. Такова судьба книг Н. Емельяновой «Четыре весны», И. Козлова «В крымском подполье», С. Маршака «Избранное» и др. На много месяцев задержан выход новых книг П. Павленко, В. Костылева, Г. Фиша, С. Зорьяна, И. Арамилева и др.

Мы полагаем, что для подобной «линии поведения» тов. Чагина нет иного названия, как—срыв задания государственной важности.

Пора спросить у тов. Чагина—чем может он оправдать свое узко ведомственное разграничение установленных для него правительством обязанностей на «свои» и «чужие».

Н. ВИРТА, В. ИНБЕР, Л. НИКУЛИН, П. ЗАМОЙСКИЙ, Т. СЕМУШКИН.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Когда же будет программа по советской литературе для вузов?

В самом начале 1946/47 учебного года Министерство высшего образования из'яло существовавшую тогда программу по советской литературе для факультетов языка и литературы педагогических институтов. Эта программа была построена во многом неудовлетворительно, содержала ошибочные, неверные положения.

С тех пор прошло почти два года. Срок, достаточный для того, чтобы выработать новую программу. Однако до сего времени программы по советской литературе вузы не получили.

Ясно, что без программы, без определенных и четких указаний Министерства высшего образования о преподавании советской литературы в практике вузов неминуем разнобой.

Два года работы без программы по советской литературе—факт, свидетельствующий о безответственности тех людей, которые отвечают за составление этой программы.

И. БАСКЕВИЧ,
старш. преподаватель Курского государственного педагогического института.

Я. ЧЕРНЯК

ИСКАТЕЛИ ИНОСТРАННЫХ ВЛИЯНИЙ

В своих воспоминаниях Горький подчеркивал у Ленина «черту гордости русским искусством». Ленин был пламенным патриотом и гордился искусством своей Родины, гордился тем, что его великий соотечественник Л. Толстой безусловно превосходит всех без исключения зарубежных писателей. Это — естественное, закономерное чувство, и его всем сердцем разделяют советские люди. Мы имеем все основания для того, чтобы гордиться самобытностью, несравненным мастерством русских писателей.

Однако в некоторых «ученых» трудах на все лады доказывается подражательный характер творчества наших классиков. Если поверить авторам этих исследований, русские драматурги с усердием подражали иностранным, преимущественно французским драматургам, и без их влияния были бы не способны творить самостоятельно.

Недавно Главным управлением учебных заведений Комитета по делам искусств выпущена в свет «Программа курса «История русского театра» для театроведческих факультетов театральных институтов» (издательство «Искусство», 1947).

Некоторые тезисные формулировки этой «Программы», хотя ее составители и подчеркивают «роль и значение русского театра в развитии мировой театральной культуры», все же носят на себе следы преклонения перед зарубежными авторитетами.

Так, например, в разделе «Поэтика драматургии Островского» выдвигается тезис: «Драматургическая техника Островского как обобщение традиций мирового театра», — словно писатель лишь освоил существовавшие до него общеизвестные каноны, нисколько не обогатив мирового искусства. Составители «Программы» расстилаются ниц перед иностранными именами, твердя об «изучении и использовании Островским традиций и приемов мировой театральной культуры—античной, английской, испанской, итальянской, **современной французской драмы**» (подчеркнуто нами. — **Я. Ч.**). А под современными французскими авторами подразумеваются даже такие «колоссы», как Скриб или Дюма-фис!

В рекомендованных «Программой» пособиях мы обнаруживаем труды тех самых «исследователей», которые как раз и насаждали ложные теории о несамостоятельном характере произведений наших наиболее замечательных писателей. В обиход возвращаются книги, изданные и 20 и 10 лет назад, но, повидимому, сохранившие, по мнению составителей, «неувядаемую свежесть».

При этом авторы «Программы» отнюдь не закрывают глаза на то, что «концепционный характер» некоторых рекомендованных ими пособий «не может быть признан удовлетворительным для современного состояния театроведения». Повидимому, имеется в виду советское, марксистское театроведение?! Но именно его кровные интересы как раз и требуют ограждения наших будущих театроведов от того, чтобы их разум затемнялся пособиями «неудовлетворительного концепционного характера». Однако составители программы полагают знакомство с этой литературой «необходимым». Зачем?

В частности, авторы «Программы» считают «желательным» (но не обязательным, — и на том спасибо!) знакомство с монографией Леонида Гроссмана «Театр Тургенева» (1924 г.), представляющей образец самого безоглядного низкопоклонства.

Чего только не найдет в этом ученом труде ошеломленный читатель! «Неосторожность» Тургенева — типичный скол с испанского театра...» «Где тонко, там и рвется» и «Вечер в Сорренто» написаны, несомненно, в стиле пословиц Мюссе... Тип комедийки Мюссе передан виртуозно. Упражнение в новом жанре, глубоко созвучном вкусам и творческим возможностям Тургенева, удалось ему, конечно, не хуже предыдущих опытов в испанской стилизации и петербургском водевиле».

Под чьим только влиянием не пребывал Тургенев-драматург у Л. Гроссмана! «Классический театр — предмет его особенного культа». Не только Софокл, Еврипид, Корнель, Расин, Кальдерон, Шекспир, Шиллер, но и Мюссе, Ожье, Мельяк, Галеви, новейшие водевилисты так и мелькают в этой книге о Тургеневе. «Европейская сцена,—пишет Л. Гроссман,—служила ему предметом эстетических поклонений и художественных импульсов». Русский театр, — радостно сообщает автор, — «... оказал на него меньшее влияние».

С легкой руки Л. Гроссмана некоторые исследователи до сих пор продолжают твердить о решающем влиянии «Мачехи» Бальзака на «Месяц в деревне». К примеру, в литературном комментарии к изданному совсем недавно тому драматических произведений Бальзака (1946 г.) Е. Гунст не преминул подчеркнуть, что Л. Гроссманом отмечено влияние «Мачехи» на «Месяц в деревне».

Сами французы признавали то, с чем никак не хотят согласиться литературоведы сравнительно-исторического метода, — идейное, художественное превосходство русской литературы над зарубежной. Вспомним хотя бы слова, сказанные П. Мериме Тургеневу: «Ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, идут совсем противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске». Но что до всего этого низкопоклонникам!

В сборнике материалов и исследований о пьесе «Без вины виноватые» (ВТО, 1947 г.) А. Ревякин в особом разделе своего литературно-критического этюда вступил в борьбу с необоснованными теориями о якобы сделанных в этой пьесе Островским заимствованиях. Но выигрывая этот бой на одном фланге, А. Ревякин отступает и сдает принципиальные позиции на другом. Так, убедительно доказав, что между пьесой Островского и французской мелодрамой «Артур» нет ничего общего, автор в поисках дополнительных аргументов (в чем он, кстати, вовсе и не нуждается) начинает опровергать ложные утверждения такими домыслами: зачем же, мол, Островскому было заимствовать мотив медальона из «Артура», ежели вещь в качестве опознавательного средства «применялась еще в античной литературе... Этот же мотив часто встречается и в западноевропейской литературе, например, у Мольера». А отсюда проистекает логический вывод: «И Островский, используя его (этот мотив.—**Я. Ч.**), опирался, таким образом, на тысячелетнюю традицию европейской драмы». При этом А. Ревякин берет себе в союзники А. Малеина, опубликовавшего статью «Островский и античная комедия» («Бирюч», 1918 г., № 8). Однако лучше бы автор остерегся таких единомышленников. Ибо Малеин усматривал прототип медальона Отрадиной в... корыте, по каковому признаку царевна Тиро (у Софокла), родив от бога Посейдона двух сыновей и пустив их в этой посудине вплавь по реке, впоследствии опознает их.

Вдохновившись сравнительными упражнениями А. Малеина, А. Ревякин формулирует вывод: «Как видим, уж если искать для «Без вины виноватых» источники литературных заимствований (но зачем же вообще эти поиски, как самоцель?—**Я. Ч.**), то скорее всего нужно обращаться к античной драматургии. Явное сходство основных сюжетных мотивов пьесы Островского со многими пьесами античной драмы несомненно. Оно может быть доказано без хитроумных домыслов и рискованных натяжек». Так автор в конечном счете все же вступает на болотную тропу механических сравнений и погрязает в ложных умозаключениях. И сколько бы после этого ни повторял А. Ревякин то, что «все эти доказательства будут, в сущности (?), итти мимо пьесы Островского, созданной на живом материале современной ему эпохи», — дело сделано: в сознании читателей посеяно сомнение. Борьбу с угодливым низкопоклонством перед всяческой иностранщиной надо вести без компромиссов и экивоков!

Долг нашей советской критики—вести смелую и настойчивую очистительную работу, чтобы без остатка развеять все порочные утверждения, которыми люди, еще не изжившие в себе вредного наследия прошлого — угодливого пресмыкательства перед иностранщиной, — силятся умалить величие и мировое значение русской литературы. Для советских исследователей это вопрос патриотической чести.

Н. ВИЛЬЯМ-ВИЛЬМОНТ

ЕЩЕ НЕ НАЙДЕННАЯ ДОРОГА

Овладение собственным жизненным опытом — вещь трудная. Испытанное часто бывает и значительнее и содержательнее художественного его отображения. И это отставание от собственного опыта — всегда верный признак творческой неудачи. Ибо общественная функция искусства как раз и заключается в том, что оно способно отражать действительность в художественном образе так, чтобы это отражение вразумляло и наставляло читателя больше, чем непосредственный, еще не осмысленный жизненный опыт.

Быть может, не вполне справедливо прилагать высшую мерку к первой книге еще очень молодого автора, к сборнику стихов Александра Межирова «Дорога далека». Но Межиров — способный стихотворец, иногда обнаруживающий подлинный талант. Пред'явление к нему строгой требовательности — дань уважения к дарованию, которым еще не вполне овладел его обладатель.

Голос А. Межирова — голос очевидца и участника Великой Отечественной войны. Он прошел через нее — с первого дня, когда в «продрогшем эшелоне», среди взрывов неприятельских бомб, «ощутил пришествие начала», и вплоть до салютов Победы, вдруг отодвинувших в область воспоминаний суровые картины столь недавнего прошлого, когда

... пилотки с головы срывая,
Под гусеницы падали друзья,
Зажав гранаты мокрыми руками...

Тому, кто побывал на войне, нелегко отойти от ее величественных и бесконечно разнообразных впечатлений. Никто не собирается упрекнуть А. Межирова в том, что его книга почти целиком посвящена военной теме, эта тема попрежнему остается одной из важнейших в советской литературе. Беда А. Межирова в том, что он не может вырваться из узкого круга личных переживаний, что война не ощущается или, по крайней мере, не воссоздается им, как всенародно-исторический подвиг.

Стихам Межирова присуща моментальная фотографичность, они не возвышаются до обобщения.

— Выживу я
или умру? —

таково преобладающее чувство межировской военной лирики. Это натурализм, порою напоминающий протокол испытанных ужасов, запечатленных в настойчивом повторении слов и восклицаний, которым нельзя отказать в известной эмоциональной выразительности.

Лучшие стихотворения А. Межирова — те, где он стремится избавиться от нависающего над ним кошмара. Сюда относится его «Песня», рассказывающая нам о том, кем были для автора его товарищи «по суровому ремеслу» войны. У них он учился стойкости, черпал силу переносить непереносимое. Лирический герой «Песни» замерзает на Ладожском озере. Он падает на лед, чтобы умереть. И «вдруг вдали голоса». Отряд поет песню и в голосах — «бесконечный задор». Песня вступает в спор с отчаянием уставшего жить и страдать солдата:

Я
не дослушать тех слов
не мог.
Я бросился к песне.
Бежал,
пока
Мой подшлемник пóтом намок —,
«Славное море — священный Байкал!» —
Пели у берега голоса.
. . . .
Я шел по свистящему февралю,
Сильный,
прямой,
согретый,
Впервые осмысливший,
как люблю
Родину песни этой.

Это сильные стихи и важное признание. Но нашел ли поэт дорогу к сердцу советского народа, к народному пониманию войны? Судя по книге, надо полагать, что еще нет.

Страшный бой идёт,
кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле —

говорится в книге о бойце Василии Теркине. Вот этого-то, столь прекрасно выраженного А. Твардовским чувства войны, как сознательного предельного напряжения народной воли во имя продолжения жизни, во имя прерванного войной социалистического строительства, мы не видим в стихах Межирова. Большой моральный под'ем народных сил здесь сжался в комочек тревожных переживаний личных фронтовых тягот. Такое изображение военной страды искажает ее истинный смысл и содержание. Иными словами, художник не служит здесь истине.

Повторяем. Александр Межиров еще очень молод. Тем более хочется удержать его от ложных путей. А он продолжает ими итти и сейчас. Сколько условной риторики и, что хуже, сколько исторической слепоты в его послевоенных «Монологах», которыми заканчивается книга и где автор, видимо, хочет разобраться в смысле нашей эпохи:

Середина нынешнего века,
Втиснутая в ямбы и в гранит
Жесткими руками человека,
Что-то первобытное хранит.

Но это же интонация акмеистов и их же преклонение перед варварской первоосновой жизни! Надеемся твердо, что А. Межиров дошел до таких идейно порочных откровений не собственным умом и сердцем. Все это, надо полагать, просто литературное заимствование, литература ради литературы.

Хочется верить, что слух Межирова уловит песню народа о радостях и трудностях наших дней и что эта песня, как в военные дни, выведет поэта из морозной стужи одиночества и оторванности. Хочется верить, что поэт сделается выразителем подлинного высокого жизненного лада советских людей. Стихотворение А. Межирова «Коммунисты, вперед!», помещенное в № 2 «Знамени» за 1948 год, отчасти уже оправдывает эти наши надежды.

Но повсюду,
Где скрещены трассы свинца,
Или там,
где кипенье великих работ,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца —
— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Александр Межиров «Дорога далека». «Советский писатель», 1947, 102 стр.

Советская быль и американские сказки

◆ **Геннадий ФИШ** ◆

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ:

Английский биолог Джулиан Гексли, вернувшись после поездки в СССР, напечатал клеветническую статью о том, будто бы работники Всесоюзного института растениеводства во время блокады Ленинграда с'ели уникальную мировую коллекцию семян.

На самом деле все было иначе. Часть научных работников ВИР'а пошла на фронт. Другая часть была эвакуирована по Ледовой дороге. Оставшиеся ценой жертв и героических усилий сберегли коллекцию. И хотя многие погибли от голода, — ни одно зерно коллекции не было тронуто.

5. О 99.357 посылках, новых открытиях и братской дружбе с Югославией

В январе сорок четвертого года 900 дней блокады стали историей. Теперь надо было сделать все для того, чтобы подвиг, который совершил коллектив института, чтобы жертвы, принесенные им, не стали напрасными. И снова, как и в труднейшие времена блокады, на помощь институту пришла партийная организация Ленинграда, роль которой в спасении бесценной коллекции ВИР'а была поистине огромной.

Отдавая все силы самоотверженной борьбе с врагом, даже в самые тяжелые месяцы блокады, Ленинградская партийная организация внимательно и чутко помогала научным работникам ВИР'а, оберегала плоды их многолетних трудов. По указанию Смольного в первые же недели осады институту был предоставлен специальный самолет для эвакуации ценнейших каталогов — описаний коллекций и семян коксагыза, работа над которым не должна была прекращаться ни на один день.

Как только проложили по льду Ладоги Дорогу жизни, из Ленинграда в первую очередь были эвакуированы многие научные работники институтов. В сложнейших условиях осажденного города, когда каждый клочок земли был на счету, городской комитет партии отвел институту земельный участок для высадки коллекционных семян картофеля, которые иначе неминуемо погибли бы.

И сразу же после того, как отогнали от города немцев, партийная организация, несмотря на многочисленные трудности, помогла институту немедленно начать успешную, плодотворную работу.

Тридцать восемь тысяч образцов пшеницы и почти столько же тысяч образцов других злаков надо было высеять в один год.

Обычно каждое лето освежалась только часть коллекции. Теперь же, в 1944 году, надо было сразу воспроизвести все, так как семена томились в ящиках уже третий год. Работники института сами справиться с этой задачей не могли.

Семьдесят две селекционные и сортоиспытательные станции откликнулись на призыв ВИР'а и приняли на свои поля новых питомцев.

— Понимаете, — рассказывал Якубцинер, — эти семьдесят две станции не только помогли нам спасти и восстановить коллекцию! Своей помощью они еще раз подтвердили идеи мичуринской школы о возможности направленного воспитания растений. Один и тот же сорт высевали в Пушкине и в Дербенте. И что же? Оказалось, что привезенные из Дербента семена ведут себя в Пушкине совсем иначе. Они изменяют свою наследственность. Раньше мы изучали просто признаки сорта. Это был один этап науки. Теперь переходим к новому! Начинаем изучать изменчивость признаков и закономерность этой изменчивости. Что это даст практике? Бесконечное увеличение исходного материала для селекции и выведения новых сортов. Возможность комбинаций увеличивается, можно сказать, бесконечно. Вот что означает это для практики. А для теории? Новое опровержение буржуазного учения — морганистов, утверждающих, что вновь приобретенные признаки не наследуются. Правы Мичурин и Лысенко — наследуются!

— И эти люди написали, что мы с'ели наши коллекции! — Пальмова презрительно улыбается. — Вот наше опровержение! — она показывает на ящички, стоящие на высоких многоэтажных стелажах от самого пола до потолка.

А вот и осуществление ее мечты—личное опровержение: она вывела и уже может предложить перспективные для Ленинградской области новые сорта пшеницы, неполегающей, с повышенной урожайностью.

— А разве это — не лучшее опровержение! — и Пальмова кивает на пакетики с зерном, на продолговатые конверты, пачками лежащие на столах.

Это образцы, которые институт рассылает во все концы Советского Союза, в школы, в колхозы, на селекционные станции, в кружки юннатов. Они служат исходным материалом для создания новых сортов. И высылаются они по первому требованию.

В сорок шестом году ВИР разослал образцы пшеницы по 21.823 адресам, в сорок седьмом—по 31.693 адресам. А если считать еще ячмень, овес и просо, то за последние два года разослано 99.357 образцов. Астрономическая цифра! И это все из «с'еденной» коллекции!

Я беру со стола список адресов, и среди тысячи других мое внимание останавливает «Федеративная народная республика Югославии. Загреб».

Туда, далеко на Балканы, к берегам Адриатики и в горы Черногории, Всесоюзный институт растениеводства послал образцы пшеницы.

Пусть югославское народное сельское хозяйство начинает свой рост, свое восхождение с той высшей точки, которой уже достигла наша селекция. Мы рады поделиться с друзьями самым лучшим, что есть у нас. В этом наша гордость.

Мы переходим в соседний зал. Там помещаются гербарии пшеницы всего мира. Каждой стране — свое место. Вот шкаф с географией пшеницы Соединенных Штатов Америки. Читаю подписи под колосками. Оклахома. Канзас. Северная Дакота. Небраска. И название сортов тоже четко выведено латинским шрифтом. Я вчитываюсь. Не ошибся ли я? Белая Глина, Одесса, Харьков, Онега, Ладога?..

— А разве вы не знаете, — изумился Якубцинер, — что даже на Аляске вся культура пшеницы основана на нашей северной скороспелке, которую народ называет «сибиркой». В США и в Канаде сеют, главным образом, русскую пшеницу.

6. Как русская пшеница спасла Америку

В конце прошлого века Канаду и Соединенные Штаты Америки несколько лет подряд постигали страшные неурожаи. Народное бедствие было неописуемо. Марк Карльтон — биолог-ботаник из Канзаса — скитался по стране, пораженной неурожаем, и проездом побывал в селениях русских духоборов, эмигрировавших в Америку от преследований царского правительства.

Всюду Карльтон видел, что фермеры сеяли только мягкую пшеницу: одни — красную, другие — белую. Они терпели неудачу, разорялись дотла и уходили, куда глаза глядят. Карльтон вдруг вспомнил духоборов. Они собирали с акра по тридцать бушелей твердой пшеницы в то время, как вокруг царили нищета и разорение. Он подружился с духоборами, забрасывал их вопросами.

— Но эту пшеницу... — он надкусывал несколько твердых красных зернышек, — эту пшеницу... где вы ее взяли?

«Старики-духоборы, первые переселенцы, привезли ее с собой из Тавриды. Когда они уезжали из России и садились на пароходы, каждый глава семьи, вместе с детьми и прочим багажом, брал с собою запас этой пшеницы. Она была для них такой драгоценностью, что, казалось, они готовы были унести ее с собой и в могилу.

— Это старая русская пшеница, и она очень хорошо растет в этой местности, — сообщили они Карльтону»*.

Весь свой очерк «Карльтон — охотник за пшеницей» Поль де-Крюи посвящает трудной борьбе Марка Карльтона за внедрение русской пшеницы в Америке. Это длинная и поучительная история, и того, кто ею заинтересуется, мы отсылаем к книге «Борцы с голодом».

В 1898 году Карльтон, предварительно изучив русский язык, добился командировки от департамента земледелия в Россию.

«Карльтон закупил большое количество семян «кубанки» и отправил их на новое поселение. Он послал туда также и «арнаутку» и «гарновку» и «перродку» — этих славных сестер «кубанки»... Он видел людей, носивших рубашки поверх штанов, что ему, иностранцу, казалось очень странным, видел русских мужиков, темных, забитых, не умевших ни читать, ни писать. Но как изумительно эти люди обрабатывали свою неблагодарную землю!»

Семена, привезенные Карльтоном, вскоре завоевали в США большую славу.

В 1900 году Карльтон снова едет в Россию. На этот раз он вывез в Америку пшеницу из Старобельского уезда Харьковской губернии. Большие транспорты семенного зерна пошли в США.

«Почти без всякой борьбы и заминки яркозеленые посевы этого нового хлеба разлились, как вода по гладкому кухонному полу, по всему западному Канзасу, вверх до Небраски и в сторону до Монтаны...

В 1919 году площадь посева твердой красной пшеницы выросла до двадцати одного миллиона акров, что составляло третью часть всего посева пшеницы в Америке».

— Послушайте! — перебьет меня здесь внимательный читатель. — А не слишком ли увлекается американский писатель? Не следуете ли вы слепо за его увлечением?

Предвидя такой вопрос, я обращаюсь к первоисточникам.

«Культура стекловидной озимой пшеницы в Соединенных Штатах тесно связана с переселением русских менонитов,..— пишут в своем исследовании «Классификация и распределение пшениц, культивировавшихся в США» (1935 г.) американские ученые Д. А. Кларк и В. В. Бейлз.—Большей частью они происходили из колонии Молочной и северной части Таврической губернии, некоторые из настоящего Крыма, а другие из Екатеринослава. Каждая семья привезла свыше бушеля или еще больше крымской пшеницы на семена. Из этих семян был выращен первый урожай канзасской стекловидной пшеницы».

А вот показания официального Бюллетеня департамента земледелия США. Общая площадь озимой пшеницы, по данным 1935 года, составляла 20.000.000 га. Самыми популярными сортами являлись наши сорта, шедшие, главным образом, под названием турецких и харьковских пшениц. Они занимали 7.000.000 га в штатах Северной Америки.

Следуя тому же бюллетеню департамента земледелия (1942 г.), мы могли бы привести количество га, занятых каждым из этих сортов и производными от них («минхарди», «минтурки» и др.), по каждому штату. В 1939 году они уже занимали посевные площади в 9.760.399 га.

Нет, как видно, Поль де-Крюи не преувеличивал. Скорее он даже приуменьшил. Он ни слова не сказал о яровых пшеницах.

А русские яровые пшеницы и производные от них сорта также господствуют на полях США и Канады.

Напрасно иронизировал над «дикостью» наших крестьян американский писатель, считая признаком этой дикости то, что они носят рубахи поверх брюк. Не зря же зерновые культуры называются культурами. Ведь именно в них запечатлен многовековый опыт народа в области сельского хозяйства — народа, который, выводя эти злаки и отбирая лучшие из них, боролся с засухами, с морозами, народа, чей огромный жизненный опыт и история также отражены в каждодневном труде его на полях. Зерновая культура!.. Ведь именно то, что американский ученый, спасая фермеров, приехал к нам, за нашей зерновой культурой, сделало его одним из выдающихся деятелей американского народа.

Кто из наших колхозников не знает имен Мичурина, Вильямса, Лысенко! А какова судьба М. Карльтона? Для вящей убедительности снова предоставим слово американскому писателю.

«В то время как новая пшеница совершала триумфальное шествие по всей стране, одна из дочерей Карльтона заболела. — Я израсходовал все средства, какие только мог собрать на ее лечение, — рассказывает Карльтон».

Ему приходилось брать взаймы, — ведь жалованья он получал меньше трех тысяч долларов в год. Он стал занимать небольшие суммы у одного, чтобы отдать другому.

«В 1914 году половина всего урожая твердой озимой пшеницы в стране пришлась на долю красной харьковской — больше восьмидесяти миллионов бушелей. Доброе красное зерно харьковской пшеницы наполняло бесконечные обозы, двигавшиеся к железным дорогам на Монтану, Оклахому, Небраску и в родной штат Карльтона, Канзас. О, если бы эти люди только знали... Его дом в Вашингтоне был продан с торгов за неплатеж по закладной. Он переехал с семьей в избушку с дырявыми стенами». В 1918 году один из сыновей Карльтона был помещен в больницу, где ему должны были произвести трепанацию черепа. В это же время внезапно заболела и умерла вторая дочь. Карльтон, убитый горем и житейскими невзгодами, сделал последнее усилие, чтобы освободиться от тяготивших его мелких долгов. Он одолжил у богатого друга хлебопромышленника 4.000 долларов. Секретарь департамента земледелия узнал от одного возмущенного члена конгресса о том, что Карльтон брал взаймы у лиц, принадлежавших к оппозиционной политической партии. Его уволили. В поисках заработка он должен был уехать из США. Так, переходя с одной маленькой должности на другую в Панаме, Гондурасе, в Перу, он перебивался несколько лет.

«Он страстно тосковал по родным равнинам, но ему так и не пришлось их больше увидеть: 26 апреля 1925 года, в небольшом городке Панта в Перу, Марк Альфред Карльтон скончался на пятьдесят первом году жизни от острой малярии».

Прошло уже много лет, но в официальном «Вестнике департамента земледелия» до сих пор еще не было ни слова о смерти Марка Карльтона.

Да, напрасно американские сенаторы попрекают нас своим ленд-лизом! Когда наш народ бесценной кровью своей защищал весь мир от коричневой чумы, они, американцы, тоже защищаемые Красной Армией, посылали нам малую толику своего урожая. Но ведь весь урожай-то их взошел на семенах, вывезенных из России. Ведь они нам не одалживали, а, правильнее сказать, выплачивали свой старый-престарый долг.

7. О чайной ложке академика Вильямса и воинствующем невежестве Дарлингтонов

В 1904 году русское министерство земледелия получило от некоего американца Шеффера предложение за весьма скромное вознаграждение (900.000 долларов или один миллион долларов русскими процентными бумагами) облагодетельствовать Россию введением в сельское хозяйство одного полезного растения, удваивающего плодородие земли, дающего ценный корм, поднимающего скотоводство и пр. Это чудодейственное, по словам Шеффера, растение, называется клевером. Видимо, Шеффер попросту «забыл», что клевер— не новость для России и что лучшими семенами клевера для Америки уже в те времена считались русские. За 25 лет — с 1889 по 1914 год — в Америку и Европу было вывезено из России семян клевера 9.440.720 пудов, т. е. больше, чем на 10.000.000 га посева.

Что же касается другой, самой распространенной в Америке кормовой травы— люцерны, то опять-таки она развивалась на семенах русского происхождения.

В 1906 году в Россию приезжал известный американский селекционер из Южной Дакоты проф. Н. Ганзен. Впрочем, предоставим слово ему самому.

«В настоящее время на западе США посевами люцерны «козак» занято много тысяч акров. Свое начало она ведет от небольшой кучки семян, об'емом всего с пол чайной ложки, собранной с двух растений люцерны, найденных профессором Тимирязевской академии В. Р. Вильямсом во время его экспедиции в область сухих степей Воронежской губернии».

Наш великий ученый в те годы закладывал основы своего изумительного учения о травопольной системе землепользования и, между прочим, через посредство профессора Ганзена одарил американских фермеров.

Эту чайную ложечку В. Р. Вильямса следовало бы поместить в музей американского сельского хозяйства, в музей американского «просперити».

В 1934 году Ганзен снова приезжал к нам — уже в Советский Союз.

Внимательный, честный ученый был поражен переворотом, который произошел в стране в результате победы советской власти. То, что он написал об этой своей поездке, — лучший ответ американской реакции.

«Правительство Советского Союза проводит весьма мудрую политику поощрения людей, обладающих творческим воображением, как, например, Мичурин. Это хорошая и достойная похвалы народная политика. Ленин, как великий мировой вождь, решил поднять садоводство СССР и отправил комиссию, возглавляемую М. И. Калининым, для обследования работы Мичурина. Вследствие благоприятного отзыва, данного этой комиссией, работа Мичурина приняла необычайный в истории садоводства размах. Великим долгом Советского Союза является продолжение дела Мичурина. Его работа переживет столетия и достигнет еще большего расцвета. Необходимо применять его принципы».

Невежественные американские дельцы хорошо понимали интересы своего кармана. И если бы было так, как говорит Дарлингтон, разве стали бы они в свое время предлагать Мичурину 8.000 долларов в год и отдельный пароход для перевозки мичуринского питомника?!

Ненавидя наш советский строй, ненавидя нашу науку, они не останавливаются ни перед какой клеветой.

«Такие люди, как Тимирязев и Мичурин, — пишет Дарлингтон, — являются устаревшими ботаниками. Их взгляды на наследственность были дискредитированы в научных кругах за границей», — злобствует он, не умея об'яснить с позиции своей, потерпевшей крах науки те достижения Мичурина, о которых говорит американский профессор Ганзен.

Читая эти злобствующие статьи, невольно думаешь: а может быть, Д. Гексли и прав, когда говорит о вырождении. Ведь он делает свои наблюдения, главным образом, над своими коллегами, к числу которых принадлежит и Дарлингтон. Только интеллектуальное вырождение этой среды он незакономерно хочет распространить и на весь род человеческий...

Трудящиеся всего мира все энергичнее вступают в борьбу с монополистическим капитализмом, несущим новые войны, бедствия, нищету, физическую и моральную деградацию. И в этой борьбе их окрыляет наша победоносная быль, наш Советский Союз, вдохновляемый и руководимый на пути к коммунизму великой партией Ленина—Сталина!

Окончание. См. №№ 8, 9 и 10.

* Поль де-Крюи «Борцы с голодом». «Молодая гвардия». М. 1937 г.

Книга возвращена к жизни

Книга подвергается разрушительному действию времени. Опасным для нее врагом являются и насекомые — «книжные вредители». Есть ли возможность вернуть поврежденным изданиям прежний вид, спасти их от гибели?

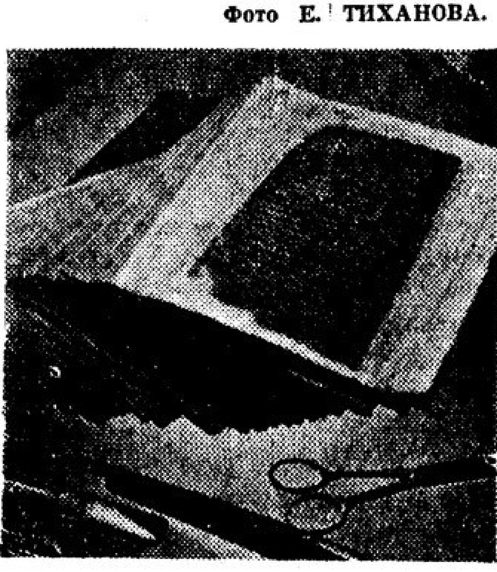

Изучением этих вопросов занимается Отдел гигиены и реставрации книги, организованный в 1936 году при Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Это настоящая «больница» книги. Здесь книга подвергается тщательному осмотру, здесь изыскиваются методы ее восстановления. В зависимости от характера поражения, книга направляется в различные секторы и лаборатории. В секторе гигиены ее дезинфицируют, очищают от грязи и пятен. В лабораториях [illegible] раз'едающую страницы. В секторе реставрации склеивают и укрепляют разрушенные листы.

Только за один 1947 год отделом реставрировано свыше 100.000 листов книг и газет, среди которых ценнейшие экземпляры старинных рукописных и печатных материалов: «Златоуст» XVI—XVII века, «Апостол» 1564 года, «Сборник слов Григория Богослова», «Указы Елизаветы» 1757—1760 годов и много других редких изданий.

НА СНИМКАХ (сверху вниз): лаборантка т. Пахомова (справа) осматривает поврежденный экземпляр; книга, нуждающаяся в «лечении»; «пораженная» книга на лабораторном исследовании; реставрированная древняя рукопись «Златоуст» XVI—XVII века.

Текст О. ОПАРИНА.
Фото Е. ТИХАНОВА.

ПЛАЧ И ПРИЧИТАНИЯ ФОЛЬКЛОРИСТА

Фольклорист В. Базанов в книге «Народная словесность Карелии» поставил своей целью ознакомить читателей с поэтическим прошлым карельского народа. В предисловии автор оговаривается: в книге освещены только жанры старого русского фольклора Карелии, советский же фольклор не затрагивается. Таким образом, В. Базанов уже с самого начала ограничил свою задачу и значительно снизил тем самым интерес книги.

Работа В. Базанова претендует на обобщение научных данных о карельском фольклоре почти за столетний период. Ею будут пользоваться студенты филологических факультетов, преподаватели и научные работники, изучающие устное народное творчество.

В книге, несомненно, есть интересные и полезные сведения из истории русской народной словесности.

Но основная ошибка В. Базанова заключается в том, что он идеализирует прошлое северорусского края, прошлое Карелии. Присоединяясь к давно устаревшей, неправильной точке зрения, он утверждает, что до Великой Октябрьской социалистической революции имелись все благоприятные условия для развития и сохранения устного народного творчества.

— Теперь же, в век промышленного развития и народного просвещения, — говорит он, — этих условий для развития и сохранения народного творчества нет. Автор считает, что все русское устное народное творчество сосредоточено в одной Карелии. Об'ясняет он это тем, что в Карелии не было крепостного права, это был «край, представлявший собой одну из самых культурных окраин России, где проходил знаменитый торговый путь, соединявший Россию с Западом». В. Базанов повторяет ошибочные высказывания фольклористов конца XIX века — А. Гильфердинга и Е. Барсова о том, что крестьяне Карелии были более одаренными, чем все другие крестьяне России.

Непонятно также, почему, говоря об одаренности русского народа, автор считает нужным подтвердить правоту своих слов высказыванием безвестного англичанина.

Одна из серьезных ошибок В. Базанова состоит в том, что основным жанром устного народного творчества он считает плачи. Это было высказано В. Базановым еще в книге «Поэзия Печоры», изданной в 1943 году. И в своей новой работе В. Базанов снова утверждает, что «причитания стали спутником народной жизни», что плачи имеют «значение энциклопедии народного горя» и т. д.

На самом же деле плачи выражали не только грусть и горе народа. В то же время они, как и другие обрядовые песни, являлись выражением народных чаяний и надежд, были своеобразным протестом против существующего социального неравенства.

Ясно, что изображение В. Базановым русского народа пассивным страдальцем, безропотно переживающим свое горе, в корне неверно.

Современному состоянию эпоса В. Базанов уделил всего 6—7 страничек. Но и они наполнены рассуждениями об отмирании и уничтожении устной эпической поэзии. Она обречена на полное вымирание и уничтожение, заявляет автор.

Для пущей убедительности В. Базанов приводит реакционное высказывание Гильфердинга о том, что народное творчество может удержаться лишь при том условии, «если в эту глушь не проникнет промышленное движение и школа». Автор книги полностью присоединяется к мнению о том, что «былинная традиция быстрым темпом идет к полному вымиранию», что «произошло явное измельчание репертуара», «былины потеряли свое былое значение», «в наше время былинное сказительство доживает свои последние дни». Иными словами, В. Базанов убежден в том, что в наше время устная народная поэзия полностью обречена на вымирание.

Нужно ли говорить о вздорности подобного утверждения?

За годы советской власти появилось большое количество песен, сказаний, легенд и былин, посвященных Ленину и Сталину, героям гражданской и Великой Отечественной войн, трудовым подвигам советских людей. Народные певцы и сказители, где бы они ни были, — в Карелии, Дагестане или Киргизии, — окружены особым вниманием нашей советской общественности и всего народа.

Да, исторические условия для развития народного творчества изменились. Но из этого вовсе не следует безнадежный вывод, который делает В. Базанов в своей книге «Народная словесность Карелии». Народное творчество, и в том числе былинный жанр, растет и ширится в нашем народе, появляются новые певцы, сказители, писатели.

М. РЯКИН.

В. Базанов. «Народная словесность Карелии». Гос. изд-во Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947, 280 стр.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Обсуждение записок А. Твардовского «Родина и чужбина»

Трижды откладывалось обсуждение произведения А. Твардовского «Родина и чужбина. (Страницы записной книжки)». Но и в четвертый раз, когда, наконец, это обсуждение состоялось, оно происходило в отсутствии редакции журнала «Знамя», напечатавшего это произведение. Никто из сотрудников журнала не счел нужным притти на это собрание, организованное секцией прозы Союза писателей совместно с комиссией по теории литературы и критике и комиссией по военно-художественной литературе. Автор тоже отсутствовал по болезни.

Мнение большинства выступивших на собрании во многом совпало с оценкой, которая была дана «Родине и чужбине» в статьях, напечатанных в «Литературной газете» и «Комсомольской правде». Выступавшие говорили о том, что в этом произведении А. Твардовский утратил присущее ему в его поэмах чувство нового, не проявил партийного отношения к важным явлениям нашей жизни.

— Чтение «Родины и чужбины»,—сказала Е. Златова, начавшая обсуждение,— вызвало во мне ощущение утраты: я потеряла Твардовского, с которым познакомилась в «Стране Муравии» — произведении, до сих пор являющемся вершиной советской поэзии, посвященной колхозной жизни. В «Родине и чужбине» А. Твардовский перестал бороться за новое и передовое, с одинаковой любовью он относится ко всем своим персонажам— и положительным и отрицательным.

— В произведении Твардовского, — говорит Л. Субоцкий, — внимание писателя часто направлено на явления нетипичные для нашего времени. Идиллически изображенный кулак, мещанка, продувная баба «тетя Зоя», жуликоватый солдат Дедюнов показаны автором об'ективистски, а то и сочувственно. Восстановление колхозной деревни сведено к тому, что крестьяне собственными руками строят свой маленький патриархальный мирок. Все это ничего общего не имеет с реальной жизнью советской деревни.

— В течение войны, — подчеркивает в своем выступлении Н. Атаров, — наших бойцов воспитывали в духе подлинного патриотизма, искореняя в них ограниченное понимание родины, как собственного двора и хозяйства. И вот, после войны, — большой талантливый поэт сводит широкое понятие Родины к размерам собственной усадьбы. В своих записках Твардовский воспевает отжившее, старое, идущее из «тьмы веков». Наша товарищеская критика должна помочь любимому нами поэту Твардовскому освободиться от ошибок, потому что все мы глубоко заинтересованы в путях его дальнейшего творчества.

— Мне особенно тяжело то, что произошло с Твардовским, — сказал В. Овечкин. — Я очень любил этого поэта, но в своих «Страницах записной книжки» он изменил тому, что воспевал раньше и что мне так дорого в жизни и в литературе. Он утратил чувство романтического восприятия колхозной жизни, которым так отличалась «Страна Муравия». После того, как я прочитал «Родину и чужбину», мне стало ясно, что уже в поэме «Дом у дороги» Твардовский начал утрачивать это чувство нового. Ведь колхозная действительность совсем не показана в этом произведении. Твардовский — большой поэт, но в записках он утратил чувство того, за что нужно бороться, что любить и что яростно ненавидеть.

Ф. Левин подчеркнул неправильное изображение роли писателя на войне в записках А. Твардовского.

— А. Твардовский, — говорит Д. Данин, — в своей прозе оказывается гораздо дальше от массового советского читателя, чем в «Василии Теркине».

Об отсутствии редакторской помощи Твардовскому со стороны журнала «Знамя» говорила Н. Емельянова.

Всеобщее возмущение вызвало выступление аспиранта Московского университета В. Архипова. Елейным тоном он принялся доказывать, что никаких ошибок в «Родине и чужбине» нет. Пытаясь всячески оградить А. Твардовского от справедливой критики, он договорился до откровенно реакционных заявлений в защиту кулаков и спекулянтов. Вредным высказываниям непрошенного адвоката была дана заслуженная отповедь в выступлениях С. Львова, З. Кедриной и др.

◆

Новое здание Узбекской публичной библиотеки

ТАШКЕНТ. На улице имени Сталина— одной из центральных магистралей столицы Узбекистана — воздвигнуто новое монументальное здание публичной библиотеки.

На фасаде, отделанном в восточном стиле, — барельефы Алишера Навои, чье имя носит библиотека, Низами, Пушкина, Горького, Маяковского, Джамбула, Хамза Хаким-заде. Здание имеет читальный зал на двести человек, обширный выставочный зал, зал для научных работников.

Узбекская государственная публичная библиотека — самое крупное книгохранилище в Средней Азии. В нем насчитывается до полутора миллионов томов.

В Институте мировой литературы им. А. М. Горького

О книгах В. Кирпотина «Ф. М. Достоевский» и «Молодой Достоевский»

Несколько дней тому назад в Институте мировой литературы на открытом партийном собрании состоялось обсуждение книг проф. В. Кирпотина «Ф. М. Достоевский» и «Молодой Достоевский». Выступивший в начале обсуждения В. Кирпотин признал правильной критику «Культуры и жизни» и «Литературной газеты».

Б. Бялик справедливо отметил, что основным пороком книг Кирпотина является забвение им принципа партийности в литературе. Для книг В. Кирпотина характерна замена точных терминов и понятий, раскрывающих классовое содержание литературы, неясной и нечеткой фразеологией.

Проф. Н. Бродский критикует положение Кирпотина о том, что творчество молодого Достоевского, взятое в целом, соответствовало идеологии передовых людей 40-х годов.

Проф. Д. Благой считает, что книга В. Кирпотина написана слишком спокойно, об'ективистски. Мы не находим в книге Кирпотина, представляющей собою первую часть исследования о Достоевском, ключа к общей концепции творчества писателя.

— Непонятно, почему Кирпотин приписал мятежные настроения Макару Девушкину, — говорит И. Нович. — Ведь «Бедные люди» отнюдь не выражали революционного протеста против русской действительности того времени.

По мнению И. Успенского, Кирпотин не только идеализирует Достоевского, подкрашивая его под революционных демократов, но и незаметно для себя об'ективно снижает значение писателей революционно-демократического лагеря. Не прав также Кирпотин, утверждая, что гуманизм Достоевского восторжествовал в наши дни. Наш, социалистический гуманизм ничего общего не имеет с гуманизмом Достоевского.

Выступивший в заключении обсуждения член-корреспондент Академии наук А. Еголин отметил, что собрание было плодотворно. Книги Кирпотина были подвергнуты серьезной и принципиальной критике. Печальным, однако, является то обстоятельство, что критика книг Кирпотина началась не по инициативе коммунистов института. В связи с этим А. Еголин говорит о неудовлетворительной работе партийной организации института и призывает ученых-коммунистов к строгой, принципиальной критике и самокритике.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: А. БАУЛИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем—К 4-60-02, международной жизни— К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 01116.